

Георгий Балл
ДОРОГА В ЛЕТО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

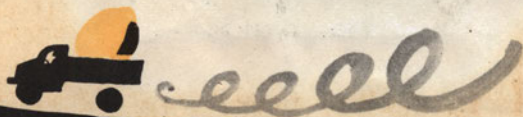
31 коп

К

МИРУ—МИР

Георгий Талл
ДОРОГА
В
ЛЕТО

Две
повести

Рисунки
В. ЛОСИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1968

В повести „Дорога в лето“ девочка Катя оказалась далеко от родного дома. Не было с ней рядом ни бабушки, ни мамы, никого из близких. И шагала девочка одна по дороге. Разных людей повстречала она в пути. Познакомилась Катя с шофёром, весёлым и добрым человеком. Он рассказал ей сказку о Холодном Ветре, о том, что произошло в деревне во время войны, о маленьком почтальоне Васе и удивительных письмах из далёких северных городов.

И сказка стала доброй спутницей Кати, шла за девочкой всюду, куда бы она ни попала. Катя узнала ещё не мало хороших людей, взрослых и ребят. Но она столкнулась и со злым пьяницей и вором Федькой. А что с Катей произошло, вы узнаете, прочитав книжку.

В другой повести главный герой маленький мальчик, по имени Толюн. Его сестра Анюта смеялась над ним, говорила: „Эх ты, маленький да рыженький“. А Толюн взял да и ушёл из дома. И он такое увидел в поле, в лесу, о чём потом долго будет вспоминать, даже когда вырастет, — всю жизнь.

ДОРОГА В ЛЕТО

С О Н

Катя Дронова открыла один глаз, а второй глаз сам открылся. «Где я?» — удивилась Катя. Ей снилось лето. Будто шла она босая по узкой тропинке через луговину к лесу. Босому человеку хорошо идти: трава так и льнёт к ногам, ласкает. А трава весёлая, с розовыми головками клевера.

Далеко ушла Катя. Оглянулась — деревни не видно. Вдруг — что такое? Катится ей навстречу солнце. «Куда бы спрятаться?» — подумала Катя. И легла на землю. Трава

тихонько прижалась к её лицу. Сомкнулись наверху зелёные стебельки, спрятали девочку.

И поняла Катя, что сделалась она вдруг маленькой-маленькой, с букашку. Поднялась Катя на маленькие ножки и пошла. Удивляется: отчего такое с ней приключилось?

Раздвинула девочка куст. Видит — над головой красная ягода висит. «Да это же земляника! Какая огромная!»

«Земляничка! — попросила Катя. — Наклонись пониже».

Опустился зелёный стебель. Катя прямо ртом принялась ловить ягоду. Потёк красный сладкий сок.

Ох, как это было вкусно!

А рядом уже другая земляника к девочке сгибается:

«И моей ягоды, девочка, отведай».

«Нет, так много я не съем, — подумала Катя. — Надо вырасти побольше». Только это Катя подумала и сразу начала расти, расти — над травой, поляной.

«Вот здорово! Значит, теперь как захочу: могу маленькой, а могу и большой». Катя засмеялась. И легко ей сделалось, будто и веса в ней никакого.

Ох, хорошо!

Хорошо — небо!

Хорошо — трава!

Хорошо — солнце!

А солнце-то совсем близко.

«Погоди, я тебя поймаю», — засмеялась Катя.

Испугалось солнце, покатилося к лесу. Катя — за ним. Бежит что есть духу. Скорее, скорее...

Уже давно у Кати глаза открыты, а всё не может понять... где она? Нет ни поляны, ни леса — куда они подевались? Не верится Кате, что это был сон.

МАМА, ГДЕ ТЫ?

Больше не спалось. В избе было тихо. Катя лежала с открытыми глазами, глядела на окна. За окнами темно. Только чуть сверкает белый иней. Мороз. Потом за окнами посерело по-утреннему. Катя соскочила с кровати — и к печке. Ма-

ленькая печка-временка была холодная. За ночь жар выветрился.

— Бабушка! — позвала Катя.

Молчок. Спит ещё. И вдруг вспомнила: день сегодня воскресный. Бабушка, наверно, поехала в Надеждино на рынок.

А что Кате делать? Опять в постель ложиться не хочется. И на улицу ещё рано. «Уберусь пока в комнатах, — решила она. — Приедет бабушка, обрадуется».

Надела Катя платье, сверху накинула платок, сунула ноги в валенки с калошами и побежала в холодные сени. Принесла оттуда ведёрко, в котором летом свинье ботву заквашивали, из печки вытащила чугунок с тёплой водой. Вода в чугунке казалась совсем чёрной. Вылила всю воду в ведёрко, достала тряпку из запечья и принялась за дело. Намочит тряпку в ведре, чуть отожмёт и трёт, трёт пол добела. Старается всю, рук не жалеет да ещё коленками помогает: елозит взад-вперёд.

Но вот начала Катя останавливаться, задумываться. Вспомнила вдруг городскую квартиру, где она с мамой жила. Вспомнила маму, брата Колю да соседа Николая Ивановича.

Сосед работал машинистом, надолго уезжал из дома. А когда возвращался, был весёлый и шумный. Встретив в кухне Катю, он поднимал чёрные, точно закопчённые сажей, брови и глухо спрашивал:

«Хочешь, убежим из дома? Поедем на поезде далеко, далеко. Ту-туууу — только мама нас и видела!»

Катя смеялась: ведь она уже не маленькая, что ей зря тукать. Брат Коля — другое дело. Он, конечно, во что хочешь поверит, да и сам паровозом загудит. И сейчас Кате очень захотелось увидеть брата, Николая Ивановича и маму.

Мама у Кати была особенная. Она носила форму, потому что служила на телеграфе. Мама работала через день. Когда мама дома, всё блестит, всё так и светится. Руки у мамы белые, красивые. Кате нравилось, когда мама закрывала ей руками глаза. Катя там, внутри, шелестела ресничками. Потом открывала глаза и долго смотрела в узкие, красноватые щёлочки между мамиными пальцами.

— Ой, мама, мамочка, где ж ты? — прошептала Катя и заплакала.

Слёзы падали в тёмную лужу у Катиных коленок, смешиваясь с грязной водой.

В ГОРОДЕ ДРУГОЙ ВИД — ТАМ ЦВЕТЫ

Дверь распахнулась, в комнату ворвалась девочка в платке, шубе и валенках.

— Ой, что случилось, да?!

Это была Катина подруга Витюша. Не скинув шубы, подбежала к Кате, затараторила:

— Неужто бабушка заболела? А может, померла?

— Кто это заболел? Кто помер? Мелешь ерунду, — рассердилась Катя.

— А чего ты ревёшь?

— Тебя не спросили. Хочу и реву.

— Ну ладно, пойдём в снежки играть. Сегодня все рано собрались — Матвей, Кузька, Кланы, Кирюха Маслов.

Катя любила играть в снежки. Она ловкая — всегда вернется да ещё сама снежками закидает. Но сейчас ей было грустно. И Катя думала: «Скорей бы Витюша ушла. Чего она пристала!»

— Нет, не пойду играть, — сказала Катя.

— Бабушка пол заставила мыть?

— Нет, я сама.

— В воскресенье-то?

— Ты, Витюша, ко мне не цепляйся. — Катя отодвинулась от подруги, принялась выжимать тряпку.

Откуда, скажете, такое имя у девочки? Захотели её родители по-городскому назвать — Викторией. Мань да Вер много, а Виктория — одна. Да только не прижилось это имя в деревне — кто называет Витюшкой, а кто Витюшкой.

А Витюше, как бы ни прозывали, всё хорошо. Она не обидчивая. Вот и сейчас на подругу ничуть не обиделась. «Подожду немножко, сама расскажет, чего плакала, — не утерпит», — решила Витюша. Развязала она пла-

ток, сняла пальтишко, всё аккуратно у двери на гвоздик повесила.

— Давай, Кать, я тебе помогу. Ты наливай, а я тряпку отожму.

Катя согласилась. Вдвоём веселее работать. Взялись девочки дружно — одна ползает, больше коленками, чем тряпкой, пол оттирает, а другая тряпку выполаскивает. Каждая старается показать, какая она работница хорошая. Не заметили, как почти весь пол вымыли.

Катя устала немножко, откинула мокрой рукой белую прядку волос. «Мама тоже так делала, когда уставала», — вспомнила Катя и села на пол. Крупные, с горошину, слёзы закапали на платье, на грязные коленки.

Виктюша бросилась к подруге, обняла, села рядом и вдруг тоже заплакала. Некоторое время они дружно всхлипывали.

— Ты чего, Виктюша, разревелась?

— А ты чего?

— Я маму вспомнила.

— А я из-за тебя. Ах ты сиротинушка горемычная! Без мамки плохо. Это, Кать, я даже очень хорошо понимаю. Без мамок нам никак нельзя.

— Мне, Виктюша, в деревне надоело жить. Я домой хочу.

— Конечно, в деревне какая жизнь! — подхватила подруга. — Тут у нас и грязь, ноги не вытащишь. Глядеть не на что. Цветиков и то нет настоящих. В городе другой вид. Перед домами клумбы с розами и ещё другими красивыми цветами. А зимой тоже хорошо: машины с дорог снег сметают. Идешь по улице — чисто. Не поймешь, то ли зима, то ли лето.

— Меня мама только на год в деревню отправила. Врач велел климат поменять. А уж теперь я совсем здоровая.

— Да, конечно, ты совсем здоровая. Ещё здоровше какого парня.

Виктюша засмеялась. Она вспомнила, как Катя натирала снегом лицо Кирюхе Маслову, а тот руками размахивал.

— Когда же мама за тобой приедет?

— Не знаю. Писала бабушке, что скоро.

— Скоро, а не едет.

— Теперь, наверно, до весны.

Вдруг Виктюша вскочила на ноги и, бросив тряпку, захлопала в ладоши:

— Ой, Катенька, я что придумала! У тебя бабушка куда ушла?

— На рынок в Надеждино, а что?

— А то. Езжай ты домой.

— Куда домой?

— Вот непонятливая! В город свой съездишь, с матерью повидаешься.

— С мамой? Она рассердится.

— Ничего. Поди, не выгонит родную дочь-то. Обрадуется. Блинами там разными накормит, плюшками.

— Мне не доехать, заплутаю.

— Что ты! Дело пустячное. До Козлова знаешь, а там уж недалеко. Это я тебе верно говорю. Попросишься на машину. Живо докатишь.

— Боязно.

— Ну уж, чего бояться. Кругом народ — не съедят. Придёшь домой, постучишься, а мать спросит: «Кто там?» А ты: «Девочка одна вам знакомая». Откроет маманя дверь, то-то радости будет!

И Катя вправду ясно увидела. Вот она входит в знакомое парадное, с большой каменной лестницей, поднимается на третий этаж, останавливается около двери с цифрой «5».

— Что ж, я, может, правда пойду, а? — Катя вопросительно посмотрела на подругу.

Лицо у Виктюши уже давно сияло. Веснушки на её щеках точно вымылись от слёз, ещё ярче желтели.

— Ох, хорошо-то как, Катенька, наплакались мы всласть! — проговорила нараспев Виктюша. — А теперь приберём в комнате — и в дорожку.

Девочки кое-как быстро домыли пол и стали собираться в дорогу. Вынули из Катиного портфеля учебники и тетради и положили хлеб и сало.

— Портфель-то лучше, — сказала Виктюша. — Никто ничего и не подумает. Увидят, вроде девочка в школу идёт.

На всякий случай Катя решила захватить с собой альбом

по рисованию, там у неё стояли только отличные отметки. Маме это будет приятно. Катя свернула альбом трубочкой и сунула его в портфель. Девочки оглядели комнаты — всё ли прибрано — и вышли на улицу.

«ДЯДЕНЬКА, РОДНЕНЬКИЙ, ПОДВЕЗИ!»

— Эй, Кать, Виктюша! Айда играть! — крикнул паренёк в рыжем полушубке и серой ушанке.

Он сидел на узком длинном листе железа, загнутом с краёв, а с боков, держась за верёвочные концы, бежали двое малышей — Матвей и Кузька.

— Садитесь, прокачу! — пригласил возница девочек.

— Нам, Кирюха, некогда, — сказала Катя.

— В воскресенье-то? — удивился Кирюха. — Всем гулянка, а им некогда. Куда это вы в такую рань собрались?

— На кудыкину гору, — огрызнулась Виктюша. — Давай проезжай на своём корыте, пока в снегу не изваляли.

— Но, но, полегче! — обиделся Кирюха и вдруг, осердившись, набросился на своих коней: — А вы чего стали? Девчонки не видели? А ну, давай! Н-но!..

Пара лихо взяла с места. Но на повороте Кузька споткнулся, повозка уткнулась в снег, а Кирюха вылетел на обочину.

— Ну и кучер! — засмеялись девочки и зашагали вверх, к шоссейке.

Вот уже миновали селёпо, где несколько женщин ожидали продавщицу, прошли мимо правления колхоза.

Катя оглянулась. Кирюха и малыши уже забросили своё корыто, играли в снежки. Кате тоже захотелось побегать с ребятами. «Уйду из деревни, а вдруг ещё до города не доберусь, что тогда?» — подумала она.

— Ты, Катенька, как выйдешь на шоссейку, обязательно старайся на машину попроситься, — зашептала Виктюша. — Упроси шофёра. А главное, ври больше, поняла?

— Это ещё зачем?

— Как — зачем? А спросит: «Кто? Откуда такая? Куда

идёшь?» А ты говори: козловская я, мол, внучка Митрофановны. Бабушка там такая проживает, это уж я точно знаю! Третий дом от краю. А ещё говори, что от матери отстала, домой спешишь. И пожалостливей, со слезами. Взрослые-то наших слёз здорово боятся.

— У меня не выйдет, — покачала головой Катя.

— Ух, а я страсть как люблю врать! Бывало, отец, спросит: «Кто это сметану уплёл?» А я: «Кошка». А он: «Чего это у тебя белое на рукаве?» А я: «Мел», говорю. Он как поглядит на меня, а я — тикать. Я ведь увёртливая... Слушай, Кать, пойдём огородами, за избой тёти Клани и представим, как у тебя получится.

Девочки сошли с дороги и по узенькой тропке попали на огороды.

— Ну, хватит, далеко не надо, — сказала Виктюша. — Начинай!

— Чего?

— Ну, ври быстрее.

— А-а, сейчас, — спохватилась Катя и плаксиво затянула: — Дяденька, родненький, подвези!

— А ты откеда сама? — грозным голосом спросила Виктюша.

— Я из этого... Козлова.

— Чтой-то такой не примечал.

— Я внучка бабушки Митрофановны.

— А-а, ну тогда садись. Поехали.

Девочки засмеялись. Им понравилась игра.

— Это ещё кто тут ходит?! — раздался вдруг голос тёти Клани.

Подружки бросились к дороге. Некоторое время шагали молча. У поворота, где дорога заворачивала вправо, Виктюша остановилась:

— Ну, я пойду. Ты насчёт бабушки не беспокойся, что-нибудь ей навру.

Катя кивнула головой.

— Эх, если бы у меня кто в городе жил! Я бы обязательно с тобой пошла, да вот все тут, дома, прямо беда. Счастливая ты, Кать.

Повозка уткнулась в снег, а Кирюха вылетел на обочину.

Катя молча слушала, но глаза у неё сделались грустными-грустными. Она взяла портфель у Виктюши. Подруга всхлипнула, махнула рукой и побежала к деревне. Катя некоторое время смотрела ей вслед, а потом повернулась и пошла.

Идти было легко. Ветерок дул ей в спину. Катя старалась ступать по колее, накатанной санями. Идёт-идёт, разбежится и заскользит. А ветер ей помогает, шепчет: «Вперёд, не робей!»

Катя оглянулась. Деревни уж не было видно. И только на бугре, близ дороги, стоял одинокий, открытый всем ветрам стог. С одного бока снег сдуло, виднелось жёлтое сено. Катя кивнула стогу — прощай, мол, — и поспешила к шоссе.

Вскоре показалось шоссе. По нему мчались машины — большие и маленькие, будто в салочки играли. Вот маленький «Москвич» нагоняет большой грузовик и дальше мчит. Издали на эту игру хорошо смотреть, а вблизи страшновато. Катя выбралась на шоссе и пошла, прижимаясь к обочине. Останавливать машины она не решалась.

Шла она, стараясь не глядеть по сторонам. Вдруг сзади сильно закрипело, остановился грузовик, из кабины высунулся шофёр.

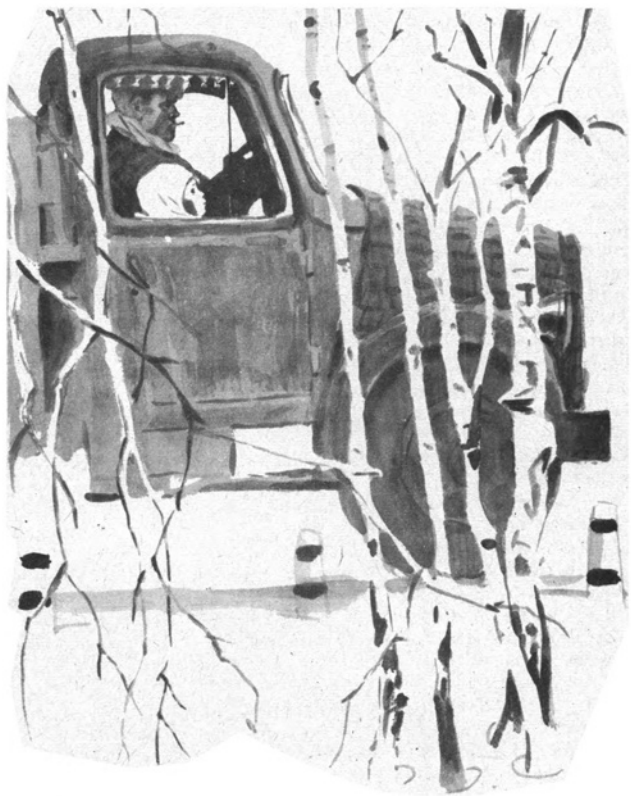
- Далеко ли, гражданочка, следуете?
- Это я-то? — не поняла Катя.
- А то кто же ещё? Куда шагаешь?
- В Козлово.
- Ну, садись, пока не раздумал.

Катя забралась на высокую подножку, шофёр помог ей влезть в кабину, с силой захлопнул дверцу, и машина тронулась.

НА МАШИНЕ

Дорога белая, покатиная. Несётся машина вниз с горки. Не остановить. А впереди опять подъём, к самому небу лезет шоссе. Катя не заметила, как прижалась к боку шофёра. Он усмехнулся:

- Боишься?

Дорога белая, покатистая. Несётся машина... не остановить.

Катя сжала губы, головой покачала.

- Тебя Капусткой звать, да?
- Почему же это Капусткой?
- Уж очень много на тебе одёжек.

Катя отодвинулась от шофёра. Расстегнула пальтишко — жарко стало.

- Катериной меня звать.
- Катерина? А разве есть такое имя?
- А как же? — Она поглядела на шофёра, поняла — смеётся он над ней, и тоже улыбнулась.
- А к кому едешь, если не секрет?

Кате показалось, что машина вдруг остановилась, и шофёр поглядел на неё строго-строго.

- К ба-бушке.

Шофёр молчал.

— К бабушке Митрофановне, — затараторила Катя голосом, похожим на Виктюшин. — Она в Козлове живёт, третий дом от конца. Я бабушке гостинцы везу.

Катюша прислушивалась к своим удивительно акающим словам и думала: «Сейчас шофёр скажет: «Никакая там бабушка Митрофановна не живёт. Я хорошо знаю. А ну, слазь!»

И мотор заурчал сердито: «Всё врёт... врё-оот! Всё... всё... всё...»

— К Митрофановне? Вот как! Знаменитая бабушка. О ней в газете писали, как она вместе с ребятами в колхозе работала.

- А вы её знали?

— А как же. Да и сейчас у неё кое-когда останавливаюсь. Старшие сыновья и муж у неё на войне погибли. И осталась она с малыми ребятами на руках.

Шофёр замолчал, а Катя боялась расспрашивать. Вдруг он захочет узнать, почему Катя в Козлово едет, как зовут ребят. Что сказать? Ведь Катя никого из бабушкиной семьи не видела, никого не знает. Мотор точно догадался, сейчас же подхватил: «Всё врёт... Никого, никого не знает! Не зна-а-ет!»

Шофёр молчал. Откуда-то налетел снежный вихрь, закру-

жились снежинки. Они казались живыми. Смело летели на стекло — тук! — и скользили вниз.

Катю начало укачивать. Земля будто медленно поползла куда-то в сторону. Девочка снова представила себя маленькой, как тогда утром во сне, — с вишенку величиной. И будто держат её в двух тёплых ладонях и перекатывают: вправо-влево, вправо-влево. Катя даже ноги подобрала, чтоб удобнее было. Хорошо ей, только спать ужасно хочется.

— Дяденька, а отчего снежинки бывают? — неожиданно спросила Катя.

— Снежинки ветер приносит.

— А откуда он их приносит?

— С Хибинских гор.

— Откуда?

— Это край нашей земли. Далеко у холодного Северного моря.

Катя потёрла глаза — не смеётся ли над ней шофёр?

РАССКАЗ ШОФЁРА

— Расскажу тебе сказку про одну деревню, про мужика Иванушку, а ещё про мальчишку-почтаря.

Шофёр вздохнул. Руки его, большие, легко держали ба-ранку. И машина, словно радовалась силе и ловкости этих рук, послушно неслась по безлюдной дороге.

— В одной деревне жила женщина. У неё было много детей. . . Нет, не так начал! — Шофёр замолчал.

— Что ж вы? А говорили, знаете?

— Ладно, Катюша, ещё раз попробую. . . Значит, было то время, когда война пришла к нам. Страшное дело — война.

Кто мог, ушёл на фронт, а в деревне остались старики да женщины с ребятами. А жить, Катюша, надо. А хозяйствовать надо. Что ж? И жили. И хозяйствовало.

У одной женщины в той деревне осталось на руках пятеро ребятшек. Муж её и старшие двое сыновей воевали на фронте. Долго от них шли весточки в деревню.

Однажды серым утром – тук-тук, скрип! Дверь отворилась. На пороге Вася-почтальон. Мальчонкой ещё был, мать заболела, вот он за неё письма разносил.

Взяла женщина письмо, развернула, руки задрожали...

– Ну-ка, Васенька, – просит, – прочти.

А в письме сказано, что муж и старший сын погибли в боях с фашистами.

Нелегко такое узнать, Катенька. Но делать нечего. Погоревала женщина, поплакала с ребятишками да вместе со всеми на работу собралась. Колхозницы в луга – и ребята с ними: и косят, и ворошат, и стоги навивают. Сенокос ещё не прошёл, а тут рожь надо жать, а там, гляди, картошку копать.

Осенью опять горе постучалось в дом к той детной матери. Тут-тук, скрип!.. Стоит почтарь Вася на пороге, другое письмо протягивает. Глянула женщина, зарыдала... Погиб её второй сын.

Молчит почтарь Вася, не уходит. Не знает, как утешить женщину, какие слова ей сказать. А какие слова скажешь? Женщина рукой махнула: иди, мол. У Васи на глазах слёзы – тяжело с такой вестью в дом заходить. Пошёл Вася прочь, дверь даже забыл прикрыть. Ворвался в сени Холодный Ветер. Завыл, заплясал радостно: «Ху-до! Ху-у-удо!»

Зима в тот год выдалась выюжная.

Гуляет по земле Холодный Военный Ветер. Всё мертвит, всё сжигает. Летом от него тяжело. А зимой и того хуже – последнюю краюху хлеба из рук вырывает.

Вася-почтарь лежал на отцовской кровати, плакал. Чем он виноват? Разве легко ему носить в сумке горькие вести?

Плакал-плакал Вася в подушку, и никто этого не знал, никто не слышал, кроме Холодного Ветра. А утром – тук-тук, скрип! Опять Вася стоит на пороге избы у женщины, что мужа и двух сыновей на фронте потеряла.

Как же мы её назовём, Катенька, чтоб по-сказочному? Пусть она будет зваться Матрёна Ивановна, да?

Увидела Матрёна Ивановна Васю, спрашивает:

– Что ещё, Васенька?

Молчит почтарь Вася, не уходит. Не знает, как утешить женщину.

А он ей письмо протягивает. Я тебе, Катя, это письмо на память скажу:

Здравствуйте, Матрёна Ивановна! Кланяется вам ваш сын. Только вы его не знаете. А он вам всё одно как родной. Зовут меня Иваном, а живу я далеко, за реками да лесами — у моря, самый край нашей земли. Там мы город построили. Такой город, весь в светлом камне. И жизнь здесь удивительная. В каждом доме полные корзины конфет да пряников, мёд стоит бочками — никто на него и не глядит. А картошки здесь вволю. И картошка не мороженная, совсем хорошая. Хлеб вкусный — лёгкий, без отрубей. А есть тут дают вволю, хоть целый день ешь. Из своего чудесного города я прилетал к вам в деревню на большом самолётном корабле, что только ночью летает. И я наколол вам дров. А потом обратно улетел в свой город.

Остаюсь ваш сын Иван.

Матрёна Ивановна не поверила. Пошла в чулан, а там наколоты дрова и аккуратно сложены...

Вскоре все в деревне узнали, что у Матрёны Ивановны объявился неизвестный сын.

Стали приходить от него и новые письма. Только присылал их Иван из разных мест, из разных удивительных городов. Рассказывал, как он корабль-самолёт строил. Этот корабль мог и летать, и по воде плавать, и по земле ездить.

Читали эти письма в деревне — удивлялись. Пошли толки и перетолки про Иванушку. А Холодный Ветер в сених зло нащёптывал: «Не верьте! Не-ет таких городов! Нет таких кораблей. Не верьте!»

И, когда почттарь шёл по деревне, ему кричали вслед:

— Эй, Василь Васильевич, нет ли писем от Ивана? Далеко, видно, забрался!

— Может, адресок дашь? Мы ему написать хотели...

Василь Васильевичем стали в деревне величать почттаря. Может, это для почтительности, а может, просто смеялись над ним.

Может, смеялись, а может, и жалели паренька? Ходил он по деревне в перешитой телогрейке, в глазастых валенках с чёрными кожаными пятками, в большой отцовской шапке

да с пузатой сумкой. Была у паренька отцовская шапка, да только не было у паренька отца.

И не знал почтарь Вася, что уж караулит его беда. Пряталась она до времени в снежном поле да скрипела намазаной дверью: «Худо! Ху-до! Бу-дет ещё ху-у-уже!»

— Ох, как ветер воет, — вздыхала мать на печи. — Ты бы, Вася, не ходил, что ли. Вишь, какая нынче зима, конца ей нет.

— Ничего. Я быстро.

— Кто из женщин почту отнёс бы. Оставайся.

Вася только головой качал. Он привык к своей чёрной сумке на ремне да к лёгким письмам с одинаковым штампом «Полевая почта».

Как-то отправился Вася с почтой в соседнюю деревню. Рано вышел из дома, ещё не рассветало. По дороге, в поле, его застала метель. Шагает паренёк, и не видно, где правая нога ступила, а где левая. И внизу снег, и с боков тоже снег. А Холодный Ветер тут как тут: бьёт по лицу, рвёт одежду, в самое ухо кричит: «Ху-до! Ху-до! Будет ещё хуже!»

Вышел почтарь на опушку леса, снег глаза застилает. А Ветер заревел неистово: «А-а! Не уйдёшь, почтарь! Подкараулил я тебя!»

— А вот уйду! — крикнул Вася.

Ветер сразу унёс его слова и размолок в белом месиве.

— Погоди-ка! — прошептал Вася. — Отдохну малость — и дальше.

Сел паренёк на белую кочку. Лицо руками закрыл. Закружил вокруг него вихрь...

А когда открыл глаза, видит: кругом люди, свои, деревенские. Где же это он? Ничего понять не может. А над ним склонилась Матрёна Ивановна:

— Что, сынок, очнулся?

— Где это я?

— Да у меня дома. Скажи спасибо Дмитрию Иванычу, — принёс чуть живого.

Вася поглядел на конюха, что стоял рядом. Он недавно вернулся с войны — один рукав его гимнастёрки был пустой. «Как же это он меня донёс одной рукой?» — подумал Вася.

- А письма целы?
- Целы. И от Ивана тут письмо нашли.

Дмитрий Иванович развернул, прочитал громко:

Дорогой председатель колхоза! Кланяется вам неизвестный человек Иван. Помните, говорили вы, что на тот год в деревне электростанцию будем строить? Только, мол, денег мало. А я так решил, что каждый из колхозников должен помочь. И я, как есть сын колхозницы, хочу пожертвовать свои заработанные 46 рублей 70 копеек. И пускай в деревне загорится электричество, чтобы нам было светло и днём и ночью. А врагам пусть от этого нашего света станет темно в глазах. Ещё сообщаю, что деньги возьмите у колхозного почтаря Василия Васильевича. Они у него в сумке.

И правда, в кожаной сумке рядом с письмами нашли деньги, завернутые в листок из тетрадки.

Рассказывают ещё, будто это последнее письмо от Ивана читали потом вслух на колхозном собрании...

Шофёр замолчал.

Катя открыла глаза. Машина въезжала в большое село. «Козлово!» — догадалась Катя.

В ЧУЖОМ ДОМЕ

Это было Козлово. Вот и мост через речку. Речки под снегом не видно. Катя вспомнила: когда осенью к бабушке ехала, под мостом были деревянные порожки, по ним вода прыгала. А теперь всё снегом замело.

Под колёсами проскрипели доски. Дорога полезла в гору. А машина — ей что! Р-р-рео! Р-р-рео! — кричат колёса. В гору так в гору, а с горы так с горы. Быстро несётся машина.

К самому шоссе подступают дома, а некоторые посылают вперёд заборы, да не такие, как у бабушки в деревне, не плетни, а настоящие, дощатые. Калитки тоже прочные, над ними — жестяные номера. Посмотришь на номер — и стучи в калитку.

Катя представила: вот подходит к калитке Вася-почтарь, стучит. «Эй, кто там?» — слышится. «Почта. Получите письмо». И протягивает Вася письмо от Ивана. «Прочитайте!» А где сейчас Вася-почтарь? Всё письма разносит? И вдруг Катя подумала: может, дяденька шофёр всё про себя рассказывал? И всё это не сказка. Настоящая правда. Так и было. А шофёр хитрый...

В это время машину так качнуло, что Катя ударилась боком о дверцу кабины. Машина свернула с шоссе, миновала колодец и подъехала к палисаднику. Р-р-рео! — сердито крикнули колёса и замерли.

За калиткой Катя увидела большую избу, яблони и старый кряжистый тополь. На крыльцо вышла женщина, глянула из-под платка. Шофёр открыл дверцу.

— Митрофановна, принимай гостей!

Женщина проворно сбежала и распахнула калитку.

— Батюшки, да кто же это? Васенька, сынок! Вспомнил. Ну, иди в избу. Как раз к завтраку поспели.

— Не могу, Митрофановна, тороплюсь!

— Зашёл бы на минутку.

— В другой раз. Забирай-ка свою внучку, Митрофановна.

Катя замерла. У неё одеревенели ноги. Остановилось сердце.

— Вот, Катюша, и приехали! — сказал шофёр и протянул портфель.

Катя открыла рот. Она хотела крикнуть: «Это не моя бабушка, не моя!» Но не сказала. Вышла из кабины. Женщина, взмахнув руками, бросилась к девочке.

— Ох ты, Катенька! Да как же это я не признала?

Она крепко прижала к себе Катю.

— Счастливо! — крикнул шофёр.

Машина загудела и стала тяжело разворачиваться. Р-р-рео! Р-р-рео! — сердились колёса. Может, им не нравилось, этим большим колёсам, что девочка в платке обманула шофёра и теперь хочет обмануть бабушку Митрофановну.

«Убегу! Вырвусь из рук старухи — и за машиной!» — так думала Катя, а бабушка Митрофановна вела её к дому.

В сених Катя замешкалась.

— Чего ты, Катенька? Вот куда надо.

Ударило в лицо жилым.

— Ох, радость-то у нас какая! Оленькина дочка приехала! — Бабушка подтолкнула Катю, а девочка ещё плотнее прижалась к такой ласковой и будто знакомой бабушкиной кофте.

Сидевшие за столом люди оглянулись. А какая-то женщина подошла к Кате и потянула к себе. Но Катя ещё крепче ухватилась за бабушку.

— А ну-ка, мать, подай этот кулёк в платке. Сейчас мы его с кашей съедем, — прогремел мужской голос.

Катя глянула из-за бабушки на сердитого дядьку. Все улыбались. «Убегу, пока не поздно», — решила она и снова спряталась за бабушку.

— А мама-то приедет? — спросила женщина.

— И не написала ничего, — вздохнула бабушка.

— А чего же писать? Вот посылка, — загромыхал опять мужской голос. — Разверни её мать. Поглядим, чего там внутри прячется.

Бабушка попробовала развязать Катин платок, но девочка вдруг ткнулась ей в грудь и заплакала.

— Ну вас, девочку напугали. Раздевайся-ка, дурочка, — ласково сказала бабушка, помогая Кате расстегнуть пальто. — Шутит дядя Семён, не бойся. А вы чего устались?

Катя немного успокоилась. За столом среди взрослых сидели ребята, мальчик и девочка, а в углу стояла детская кроватка, и в кроватке кто-то кряхтел и шевелился.

Мальчишка поглядел на Катю и ткнул ложкой в бок свою соседку — рыжую девочку.

— Мам, чего Лёшка толкается! — закричала она.

— А ты сама не вертись!

Бабушка повела Катю к столу и усадила рядом с девочкой.

— Нά вот тебе ложку и ешь. Небось замёрзла с дороги?

— А что, мамка-то приедет? — спросила женщина.

Катя кивнула головой.

— Здорова она?

Катя опять кивнула.

— А надолго к нам в гости?

— Ты, Катюха, смелей цепляй, — посоветовал дядя Семён.

Катя молчала. Ей опять захотелось плакать.

— Да не приставай ты, Варя, дай ей поесть, — заступилась бабушка и подвинула миску с кашей.

«Вот поем и уйду. Скажу им, что я совсем другая. Пусть делают что хотят, — отчаянно подумала Катя и потянулась к миске с кашей. — Только бы сразу не прогнали».

— Ты, Катюха, смелей цепляй, — посоветовал дядя Семён.

— Спасибо, — почти шёпотом откликнулась Катя.

— Да она говорить умеет! — удивился дядя Семён.

Все засмеялись. И даже бабушка улыбнулась.

Катя зацепила кашу, покрытую розовой плёночкой, сглотнула слюну и только успела подумать: «Если сейчас же не попробую, то умру». И правда, никогда ещё Катя не ела такой каши. После обеда ребята выбрались из-за стола и убежали на улицу. Катя не пошла за ними. «Неудобно как-то, — подумала она. — Поела и сразу бежать. Лучше как-нибудь незаметно. Тихонечко».

— Катенька, иди-ка, чего покажу.

Бабушка подвела Катю к стене. На стене висел плакат с рабочими. Рабочие улыбались, а за их спиной виднелся трактор. Через весь плакат надпись: «В механические бригады вступай!»

«Чего это мне бабушка показывает?» — удивилась Катя.

— Ниже гляди. — Бабушка ткнула пальцем в одну из фотографий, что висели под плакатом.

Катя увидела на пожелтевшей карточке маленькую девочку. Девочка сидела на стуле и испуганно таращила глаза.

— Узнаёшь?

— Не-е.

— Вот ты какая была, — засмеялась бабушка, — курносенькая, как наш Ванюша.

Вспомнив про внука, бабушка подошла к кровати и заглянула под одеяло. Сейчас же из вороха простынок и одеяла высунулась голая ножка. Кате стало смешно. Захотелось крикнуть: «А это вовсе не я была, не я!» Но Катя сказала:

— Давайте, бабушка, я со стола помогу убрать.

— Нет уж, ты наша гостья, иди-ка лучше с ребятами погуляй.

Кате не захотелось уходить от бабушки, и она торопливо стала собирать тарелки и ложки.

— Ах ты, моя помощница, — умилялась бабушка. — И живём-то, кажется, недалеко, а ведь ни разу не виделись. Да и то сказать — столько у меня племянников, столько племянников...

— Мне, бабушка, у вас очень нравится, — сказала Катя. — Можно, мы ещё с мамой к вам в гости приедем?

— Ох, родимая, да разве мало места! Приезжайте, живите сколько хотите.

Ванюша, до сих пор лежавший тихо, завозился и обиженно закричал. Бабушка подошла к кровати, стала его успокаивать. А Катя, убрав посуду, взяла с окна тетрадку и открыла её.

«Сочинение Мироновой Валентины, — прочитала она. — Как я провёл зимние каникулы».

«Это почему же она пишет «провёл»?» — подумала Катя, но ничего не сказала, дальше стала читать:

«Каждый день мы готовились к Новому году. Потом мы собрались все к ёлке в школе. Выступали, как артисты. Я была волк...»

И тут Катя услышала, как бабушка тихонечко приговаривала над кроватью:

Я сидела вязала, петли кидала,
Для моего Ванюшки тёплые варежки.
А он такой непутёвый, а он такой баловной —
Одну варежку в реке Волге утопил,
А другую за Хабаровском уронил.
В лесах потерял. Вот какой непутёвый!
Ну да ладно уж. Весна скоро придёт,
Леса да реки пробудятся. Зазеленеет земля.
Не жалей, Ваня, варежек — к зиме новые свяжу.
Ты гляди, Ваня, далеко-далеко!
Ты шагай, Ваня, широко-широко!
По лесам да горам, через реки да по долам.

Бабушка замолчала. Поглядела: спит ли внучек?

«Да ведь это тоже вроде сказки про Иванушку, что далеко-далеко уехал от дома, — подумала Катя. — А может, это вовсе не сказка? Ведь у бабушки детей да внуков много. А может, Иван и есть её сын? Он уехал в далёкие сибирские леса и там построил большой чудесный город. А бабушка Митрофановна ждёт его домой: когда же это он вернётся? Ждёт его и вяжет ему тёплые варежки. Такие тёплые, что никакой мороз не страшен».

— Хорошо, да?

Катя вздрогнула. Рядом стояла рыжая девочка.

— Чего — хорошо?

— Моё сочинение. Это в классе нам задавали.

Катя заметила, что она так и держит раскрытую Валину тетрадку.

«...А дома у нас тоже была ёлка, — прочла она дальше. — Мы с подружками водили хоровод. А на улице катались с горки на санках. Я порвала валенок, а мама меня не ругала. А ещё мы ходили в лес и видели белочку. Мне и Лёше папа привёс подарки. Лёше папа привёс пальто, а мне привёс шаль. Я ходила в кино в новой шали».

— Хорошо? — повторила Валя.

— Ага. Только ты ошибки насажала. Вот — «привёс», ты на конце что написала? Хочешь, поправлю?

— Не надо. Я потом сама всё перепишу, а то грязно будет. Я красивей всех в школе пишу. Знаешь что, Кать, давай, кто лучше свою фамилию напишет. У тебя какая фамилия?

— У меня?

— Ох, что я спрашиваю! Я же знаю — Соколова.

Катя покраснела.

— На, возьми свою тетрадку. Не буду я с тобой фамилии писать.

— Почему?

Катя не успела ответить. Вбежал Лёша. Подскочил к сестре, зашептал ей что-то на ухо.

«А вдруг про меня, — подумала Катя. — Вдруг её брат уже всё узнал?»

Лёша громко сказал:

— Хочешь, Катя, с нами?

— Куда?

— Гулять.

«Как бы ещё бить не стали, — подумала Катя. — Может, лучше в избе остаться. Да нет, я им не дамся. Я царапаться буду».

НА УЛИЦЕ

— А это наша двоюродная сестра, — похвасталась Валя.

Ребята обступили Катю, стали её рассматривать. Катя оглядывалась то на одного, то на другого: может, поколотить хотят? Может, как припуститься бежать, как припуститься? ..

— Пошли на Марьину гору кататься, — сказал Лёша.

— А далеко это? — спросила Катя.

— Далеко — не близко, отсюда не видеть.

— А гора большая?

— Не большая — не маленькая, заберёшься — Москву увидишь.

— Вот и врёшь, — сказала Катя, но всё же подумала: а вдруг с этой горы и в самом деле можно увидеть и Москву, и даже её родной город?

Пошли ребята к Марьиной горе. Вышли в поле, лесом идут.

— Смотрите, бельчонок скачет! — крикнул Паша, высокий худенький паренёк.

И правда: перелетел серый комочек с ёлки на сосну, с сосны на другую, только хвост по ветвям стелется.

— А порода знаете какая? — спросил Лёша. — Телеутка.

— И всё-то он знает, и всё-то он знает, — подхватила Валя. — И про белок, и про то, как птицы гнёзда вяют, и когда детей выводят. И откуда столько в голове умещается?

— Толкуй, — буркнул Лёша и покраснел.

Слушала Катя, как Валя хвалит брата, думала: а чем бы ей тоже похвастаться?

— А я ой как быстро бегаю, — сказала вдруг беленькая девочка Капа. — Могу бежать хоть как.

— У меня голос волчий, всех перекричу, — сказал Толюн, маленький паренёк в большой бараньей шапке.

— Его когда мамка хворостиной учит, вся деревня слышит, — засмеялась Валя.

Толюн сердито покосился на девочку, но ничего не сказал.

— А я быстрее всех считаю! — опять сказала Капа.

— А я, а я... на голове стоять умею, — похвалился Паша.

«Какие хвастуны!» — думала Катя. Да она могла бы им такое сказать! Она могла бы им сказать, как сегодня из дома убежала. И никакая она не родня этих Мироновых. «А что, правда, может, сказать? — Катя покосилась на Лёшу. — Лопоухий. Хорош брат! Ха!» Нет, лучше вот что: она пойдёт на эту гору, съедет вниз и потом как закричит: «Глупые вы! Никакая я вам не сестра. Обозналися!» И как припустится — только её и видели!

— Ой! Волки! — крикнул Лёша.

Катя вздрогнула. Оглянулась.

— Ха-ха! Обманули! — смеялся Лёша.

— Дурной, — сказала Катя и подумала: ничего, она скоро сама над ним посмеётся, так посмеётся!

Катя не заметила, как дорога краем леса поднялась на пологую горку. Внизу горка обрывалась круто к реке.

Это и была Марьиная гора. Только была она совсем не большая, даже очень маленькая. И с неё не видно ни Москвы, ни других городов: лишь поле и лес, и вдалеке — серое шоссе.

— Вон рейсовый автобус из города, — сказал Паша.

И верно: по шоссе, как зелёная букашина, полз автобус. И никто не знал, что в этом автобусе ехала к бабушке в деревню Катина мама. Катя, как увидела шоссе, спохватилась: к маме, скорей домой! Вот сейчас с горки вниз спуститься, потом тропочкой по речке, а потом через поле к шоссе.

Паша сел на снег, подбил под себя полушубок, подобрал ноги и крикнул:

— Айда, поехали!

И вдруг Катя вспомнила: куда ж она пойдёт? Портфель-то в чужом доме оставила.

ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА

- Ах ты, снежная баба! Снежная баба! Снежная баба!
- Замолчи!
- Смотрите, какая сердитая снежная баба! Нос — морковкой, глаза — уголья...
- А ты! Ты сам...

Катя не сказала, что подумала. Ещё раньше она заметила: ходит Лёша как-то удивительно — уточкой, вверх-вниз ныряет. Она могла бы прямо сказать: «Эх ты, хромой!» Но она не сказала. А он над нею смеётся. Все ребята извалялись в снегу, сам извалялся, а смеётся только над ней.

А теперь она может простынуть и умереть, и никогда она не дойдёт до мамы. Кате стало очень себя жалко. Очень жалко. Просто ей даже захотелось заплакать. Ведь она совсем одна. Нет ни бабушки, ни мамы...

Лёшка всё дурачился. Сломал хворостинку и сказал, что это волшебная палочка. Надо пошептать тайные слова, и всё станет по-твоему, как пожелаешь.

- Какие же это тайные слова? — спросил Паша.
- А вот какие:

Тара-бара-бум!
Рыба плавает в воде.
Чёрный ворон — в небе.
Рыба, плесни хвостом!
Ворон, махни крылом!
Лес зелёный, дуб морёный.
Ну-ка, палочка, стукни!

Лёша стукнул хворостиной по снегу, сделал страшные глаза и замер.

- Слышите, будто кто откликнулся?
- Это ветер гудит, — сказала Катя.
- А вон там, глядите — будто дубок зазеленел.
- Ничего не видим.
- А видите, как птицы из Африки к нам сюда прилетели?
- А мы не видим.

— А в реке рыбы проснулись, — не унимался Лёша.
— Вот и не проснулись.
— А палочка ведёт меня вон к тому дому.
— Это не дом, а сарай.
— Отчего ж меня палочка ведёт прямо туда? А может, там какой-нибудь клад?

— Там сено, — сказал Паша. — Летошний год там картошку хранили.

Дверь сарая заскрипела тоскливо, по-человечески. На ребят дохнуло живыми запахами лета, скошенного сена. В сарае было темно. Ребята оставили дверь чуть открытой, чтобы видеть друг друга.

— А давайте заберёмся в сено, будет у нас вроде пещеры.

Ребята принялись рыть в сене ходы. И ещё крепче запахло теплом и солнцем.

— Что, если рыть, рыть землю без конца? — спросила беленькая девочка Капа.

— Очень даже просто — на ту сторону земли можно выйти, — сказал Паша, — только трудно, конечно, — где такую лопату сыщешь?

— Зачем нам лопата? — вмешалась Валя. — Вон у Лёши волшебная палочка. Пускай он стукнет.

— Эй, Лёш, не потерял палочку?

— Не-е...

— Разойдись, — закричал Паша, — а то как стукнет, все в яму полетим.

— Погодите, — сказал Лёша.

— Я сейчас стукну палочкой. Ну!..

Этот Лёша думает — кругом дураки или маленькие. А ей наплевать на все его фокусы. Катя вместе со всеми зашептала слова, только назло всё на «не» говорила: «Тара-бара не бум! Рыба плавает не в воде. Чёрный ворон не в небе. Рыба, не плесни хвостом! Ворон, не махни крылом! Лес не зелёный, дуб не морёный. Палочка, не стукни».

— Слышите? — сказал Лёша. — Земля уже задрожала...

— А вот и не задрожала, — засмеялась Катя.

И вдруг Паша как крикнет:

— Клад! Здесь клад!

НАХОДКА

Закружилось в воздухе сено. Ребята раскидывали его во все стороны — торопились добраться до клад.

— А ну, не путайся под ногами, мелюзга! — сказал Паша Толюну. — Иди лучше открой пошире дверь, а то не видать.

Толюн недовольно засопел.

— Сам отворяй. — И снова бросился разрывать сено.

Кругом чернели кучи сена — большие и маленькие. Катя вспомнила, как в городе рассказывали, будто кто-то нашёл клад на чердаке. Под досками лежала целая гора монет. И монеты были все самые старинные. Когда их отдали в музей, там очень обрадовались, потому что монеты были очень редкие. И ещё Катя вспомнила про разные клады, про кованные сундуки, про тайные пещеры...

Дз-з-зк! — громко звякнуло в сене.

— Не наваливайся! — крикнул Лёша и оттолкнул Катю, но она не обиделась.

— Железо!

— Ух ты, много!

— Кровельное.

— Вниз глядите, вниз!

Ребята замолчали. Они с недоверием смотрели на тёмные, поблёскивающие железные листы, под которыми ничего не лежало. Ровно ничего.

— А ну, ещё поищем, — сказал Лёша.

И снова кружилось в воздухе сено. Но кружилось оно не так радостно, будто нехотя, чуть-чуть.

И тут Паша закричал:

— Ящик!

— Ой, ещё один! И ещё!

Ребята увидели у стенки сарая три огромных ящика.

— Ну, чего там?

— Стекло.

— Стекло?!

— Да зачем оно в сарай попало?

— Зачем? Эх ты, тюря! А затем, Иван Денисович приказал.

- Иван Денисович велел бы на склад везть.
 - А может, кто другой велел? — усомнился Толюн.
 - Другой с кочергой.
- Беленькая девочка Капа засмеялась и запела:

Шёл другой с кочергой
По дорожке кривой.
А навстречу ещё другой
С поварёшкой большой...

— Девочки, а я что придумала! — сказала Валя. — Давайте из железа себе дом поставим. А ящики заместо стола. Принесём фонарь и станем здесь жить...

— Да погоди ты со своим домом, — перебил её Лёша. — Неладно это — железо и стекло в сене. Может, его кто нарочно...

— Федька на работу третий день не ходит. Гуля-а-ат, — сказал маленький Толюн.

— Ты к чему это про Федьку? — спросил Лёша. — А может, ещё кто? Может, приезжие какие?

— А вот тебе «может — не может». Зачем он тогда хвастался? Я ведь всё слышал. Меня к ним за солью послали. Так Марфа-то его соли мне сыпала, а я в кухне стоял. Стою я, значит, в кухне...

— Ах, чтоб тебя, не тяни!

— Ну вот, стою я, значит, в кухне и вдруг слышу Федькин голос. «Мы теперь, говорит, за день на месяц наработали. Мне, говорит, теперь колхоз ни к чему. Я, говорит, в город подамся». И ещё он про какое-то железо говорил.

— А был кто у Федьки? — спросил Лёша.

— Никифор-кладовщик.

— Так... — озадаченно протянул Лёша.

В дальнем тёмном углу зашуршало сено. Ребята стали озира́ться по сторонам. Было слышно, как где-то далеко-далеко простучали колёса поезда.

«До-ро-о-огу-у-у!» — пропел поезд. И опять тихо.

Крек! — хрустнуло что-то в сене. Из тёмной глубины потянуло каким-то гнилым, тревожным запахом.

— Пойдём на волю! Чего здесь!

— Погодите, — сказал Лёша. — На всякий случай давайте посчитаем, сколько тут железа.

Пока он считал, ребята стали подаваться к дверям.

— Сто пятьдесят листов!

— Ого-го!

— Мы к Фёдоруходим, — сказал Лёша. — А ты, Толюн, здесь стой. Не струсил?

Толюн покачал головой. Большая шапка совсем съехала ему на глаза.

— У него голос волчий: как закричит — по всей деревне слышать, — сказала Валя.

Ребята засмеялись. Толюн ничего не ответил.

Уже далеко ушли ребята. А возле сарая одиноко расхаживал маленький человек.

ДОМ ПОД ЗЕЛЁНОЙ КРЫШЕЙ

По дороге ребята зашли на ферму. Они пробрались тихо-нечко в комнату доярок. Там никого не было. Только слышно было, как в дальнем конце фермы скотник шурхал лопатой.

Ребята уселись за струганный стол. Здесь лежал «дневник» доярок.

Лёша вырвал из тетради листок и сказал:

— Нам же не просто так, для баловства, а для дела. Ну, давай, Катя, пиши.

Катя была рада. Ведь это она придумала про письмо. Никто из них сроду бы не догадался. Ребята навалились с бокков, мешали ей. Катя сердито отталкивала их, но они не обижались. А Валя глядела на Катю и говорила шёпотом:

— Ух, как красиво! Буквочки как птички — так и прыгают! И у меня так же вот выходит. Если хотите знать, мы с Катей лучше всех пишем. Мы вместе сочинение писали.

Катя кончила письмо. Стало слышно, как за дощатой стенкой вздыхали коровы, как они жевали сено и как скотник скрёб лопатой доски настила.

Дорогой председатель Иван Денисович! Пишет вам неизвестный человек Иван. Он примчался к вам в колхоз «Красный боец» на быстходном реактивном самолёте. А примчался потому, что у вас в колхозе произошёл один случай. Знаете, где у вас лежат сто пятьдесят листов железа и три ящика стекла? Нет, не знаете. А вы пойдите в сарай, где раньше хранили картошку, и поглядите. Может, там в сене что-то спрятано!!

С большим приветом. Неизвестный человек Иван.

Вот как написала Катя. А написала она так потому, что вспомнила сказку шофёра про Ивана и про почтаря Васю.

— Молодец, Катенька, умница! — сказала Валя.

— Иван Денисович не поверит про самолёт, — покачал головой Паша.

— А он пойдёт в сарай и увидит. Может, там в сене что-то спрятано, — повторила Валя.

— Ладно, айда теперь к Федьке, — сказал Лёша.

Катя не знала Федьку. Она никого здесь не знала. А всё-таки интересно, какой из себя этот Федька и зачем ему железо и стекло. Может, он дом решил строить?

— Девочки, а я что вам скажу! — зашептала Валя. — Федька, он на работу не ходит. А мы давайте на его двери напишем мелом: лодырь.

— Где ж ты мел возьмёшь?

— В школу сбегает.

— Не, давайте лучше про него частушку сложим, — предложила Капа. — Чтоб Федька подскочил до самого потолка. Чтоб он об этот потолок себе... Макушку об шишку набил... То есть, шишку... — И беленькая девочка Капа звонко, в голос засмеялась.

— Ура! — гаркнул Паша.

— Пашка, тише!

Ребята загадали. В соседней комнате гроыхнула лопата. Это скотник услышал ребячьи голоса. Толкая друг дружку, ребята бросились наутёк.

Вот остались позади ферма, телятник, а ребята всё бежали. Они уж не боялись скотника, а просто ноги сами не хотели останавливаться — несли и несли их дальше.

Ребята навалились с боков и мешали Кате писать.

... У Кати сбился с головы платок. Волосы хлестали по лицу. Кате вдруг сделалось легко и весело. Ничего, что она с этими ребятами повстречалась. Она, конечно, потом уйдет от них. Но пока пускай уж вместе. Снег скрипел под валенками, ветер бил в лицо. Хорошо! Эх, скинуть бы пальто да валенки — и босиком!

— Подождите! Подождите!

Сильно прихрамывая на правую ногу, Лёша старался догнать ребят. «Вот с хромулей-то беда!» — Катя махнула рукой и побежала дальше не оглядываясь.

Около большой избы под зелёной крышей ребята остановились.

— Здесь! — срывающимся шёпотом сказала Валя.

Из избы доносилось глухое урчание, прерываемое визгливым вскриком. Будто ворочалось в избе лохматое чудище с пилой, а пилой этой чудище пилит балки под самым потолком. Вот-вот рухнут балки, завалится зелёная крыша.

— Гуля-а-т! — вздохнула Валя.

— Это они самогона напились. Теперь до вечера.

Беленькая девочка Капа, откинув платок, тонким голоском затянула:

Фёдор Фёдрыч занемо-ог...

И сразу замолчала. Испугалась.

А Валя засмеялась одними глазами и подхватила:

От работы он убё-ог!

И тут же Паша баском поддержал:

А плясал он на гулянке,

Не жалеючи сапог.

Ребята замолчали, прислушались. Стих глухой шум в избе. Тогда они, не таясь, громко спели ещё раз всю частушку... Ребята прыгали, хлопали в ладоши, повторяя:

А плясал он на гулянке,

Не жалеючи сапог!

Вдруг дверь распахнулась. Из дверного проёма вывалилась чёрная фигура. Ребята бросились врассыпную. И тут Катя почувствовала, что её схватили за руку. Что-то кислое и мерзкое ударило ей в лицо.

— Ты кто такая? Чего под окнами шляешься?

Но тут же мальчишеский голос ответил:

— Не тронь её! Она моя сестра.

Лёша задышался: видно, очень устал. Катя почувствовала, что её рука освободилась. Не помня себя от страха она бросилась бежать.

МАКАРОВО

Убежали ребята от Федьки, собрались на другом краю деревни. Валя всё спрашивала у Кати:

— А ты здорово испугалась?

— Нет, — качала головой Катя, а сама думала, что умерла бы от страха, если бы Федька сразу не отпустил её. Просто у неё сердце вдруг поворотилось. Просто она не могла уже дышать, и красная пьяная рожа Федьки поплыла перед глазами. Она хотела крикнуть, закричать так, чтоб всё задрожало, чтобы развалился дом под зелёной крышей, чтоб... Но у неё вдруг не стало голоса. Она сделалась как немая. Хорошо, что Лёша подбежал и крикнул, что она его сестра. Лёша думает, будто он ей брат. А что? Может, это и ничего? Может, хорошо — пускай так думает.

— Теперь дело ясно, — сказал Лёша. — Федьку-вора мы не упустим. Надо Ивану Денисовичу скорей рассказать.

И вдруг захныкала беленькая девочка Капа.

— Ты чего?

— Варешку потеряла. У Федькиной избы, наверно.

— Эх ты, раззява! Некогда нам тут с тобой. Пошли.

Ребята пошли искать председателя, а Капа поплелась обратно, к дому под зелёной крышей.

Председателя в правлении не оказалось. Уехал на воскресник. Это далеко, километров пять от деревни, где-то в Макарове. Там строили электростанцию. Катя сначала не знала, идти не идти, а потом всё-таки пошла.

По дороге в лесу ребят нагнал старик с возом дров. Ох и огромный это был старик! Даже не верилось, что есть такие Великан Великанычи. Тулуп на нём такой – сани и лошадь закроет. А руки ещё наружу торчат – рукава маловаты. Шапка для трёх голов хороша, а старику лишь макушку прикрывает, седые волосы на ветру колышутся. Звали старика дедушкой Кузьмичом.

Оказывается, Кузьмич вёз дрова на воскресник в Макарово. Ребята залезли в сани. Кузьмич крутанул вожжи:

Их ты, катись-поехали-и!
Через горы в лес дубовый,
Через речку без мосточка,
Туда-сюда, обратно.

Лошадь даже ушами не повела.

– Кабардин! Что я тебе дам, как приедем?

Кабардин скосил недоверчивый глаз на дедушку: «Опять обманешь, старый!» – и лениво потянул. Сани тронулись. Заскрипели полозья. Дедушка кинул вожжи ребятам, а сам зашагал рядом. «Весёлый», – подумала Катя. Дед сразу ей понравился.

– Дедушка! – попросил Лёша. – Расскажи, как ты на Макарове селился.

– Да я ж рассказывал.

– Ну и что ж, – сказала Валя. – А мы ещё послушаем. Вот и Катя наша не знает. Только ты рассказывай по порядку, с присказкой.

Катя закрыла глаза: ей так лучше слушалось. Тогда-то она и узнала историю о трёх братьях да о Макарове, куда не спеша вёз их рыжий конь Кабардин.

Тын-тынок, соломенный дворок.
Жили-были бабушка и дедушка,
Паренёк и девочка.
Четыре овечки,
Пятый жеребчик,
Шестая свинка –
Золотая щетинка.

Дедушка кинул вожжи ребятам, а сам зашагал рядом.

А ещё три брата —
Степан-братан,
Васёк-браток
Да и я третий — Кузьма.

Дедушка замолчал.

— Дальше, дальше рассказывай, — торопила Валя.

— Давно это было, когда господ поразогнали. Взял наш барин мешок: пойду, говорит, недалёко в лесок. Да забыл оставить адресок. Уж какой год идёт, а чего-то писем не шлёт. Убёг барин в свою заграницу. Правду сказать, мы-то, крестьяне, о нём не тужили, слёз не лили. Он нам не сват, не брат, не курицына родня.

Вечерком как-то сидим, беседуем: про то да сё, да ещё про разное. Степан, старший брат, и говорит:

«Раз помещика нет, раз новая жизнь для крестьян, так чего ж мы её будем на старой земле начинать? Наново жить, наново и селиться».

На другой день пошли с соседями толковать.

Так, мол, и так. Что скажете, соседи, насчёт нового жилья? Хотим срубить одну большую избу на всех. Чтoб одно хозяйство на всех. А делить всё меж собой поровну. А берём с собой перво-наперво одних мужиков, одних мужиков — работающих.

Федот сказал:

«Пока погожу».

Терентий сказал:

«Ещё погляжу».

А Михаила жена не пустила. Вот так-то.

Был ещё у нас в деревне Митюха-кривой. У Митюхи один глаз, да мужик на всё горазд. Он и одним глазом углядит, что плохо лежит. Увидит, сосед из города обновку привёз, Митюха сейчас же в окно стучит:

«Эй, сосед, давай менять твои сапоги на моё шило».

День будет стоять, два, неделю, а обновку не упустит. Глядишь, к себе волочит. А потом всем твердит: уж очень он, Митюха, добрый, соседа жалеючи, выменял: ведь у соседа сапоги украсть могли, а шило кто возьмёт.

Добрый он был – всякого пожалеет, всякому помочь готов: кто на него работать захочет, никому не откажет. И работали на Митюху до седьмого пота, а у Митюхи своя забота: новые замки вешать. К амбару – замок, к сараю – замок, к чулану – замок, к сундуку – замок. У Митюхи – деньги. У Митюхи – зерно. У Митюхи – сало. Митюха – сила.

Пришли и мы, три брата, к Митюхе в дом. И рассказали, что надумали. Митюха голову скосил, поглядел петушиным глазом да запел медовым голосом:

«Ох вы, ребяташки, да как хорошо надумали. Да я открою для вас амбары глубокие, сундуки кованые. Дам вам сто пудов зерна, денег мешок да сала горшок».

Обрадовались мы.

«Только вот беда, говорит, ключи потерялись».

Отдал Митюха ключи собачке – стоячие ушки, собачка – кошке – мягкие лапы, кошка – мышке – острые зубы, мышка – таракашке – длинные усы, таракашка – сверчку – беспокойному старичку. А сверчок под печку уволок. Разве найдёшь?

Дедушка замолчал.

– Так ничего и не дал Митюха-то? – спросила Валя.

– Не дал. – Дедушка рукой махнул. – А ведь нам, ребятаки, ох как зерно пригодилось бы!

– А дальше как же? – спросил Лёша, хотя и знал наперёд всё, что расскажет дед.

– Дальше? Дальше пошли место искать.

– Долго искали? – спросил Лёша.

– Ох, скажет тоже – долго. Оно давно уж присмотрено – и полянка, и речка, и лесок: справа – осинничек, слева – березничек,

– А что ж вы делать стали?

– Перво-наперво костёр развели.

– Зачем же вы костёр развели?

– Кашу в котле варить.

– А котёл-то большой?

– Котелок небольшой. Нырнешь, дна не достанешь...

– А как поели, что ж вы делать стали?

– Поели, ложки вытерли.

— Ну, а потом что вы делали?
— Потом за деревья принялись.
— Как же вы за них принялись?
— А валить стали — где топором, а где плечом.
— Так ведь тяжело.
— Работа тяжела, как вполплеча, а мы каждый в два — нам полегче.

Ребята засмеялись. Катя глянула на дедушку: такой и правда дерево свалит. Она опять закрыла глаза и представила: ходят три великана, деревья плечом задевают, а лес стоном стонет, и точно в бую деревья валяются.

— Стажили братья деревья на бережок. Здесь они задумали избу себе ставить. Только взялись брёвна тесать, глядят: идёт из лесу человек. Кто такой?

«Федот?»

«Он самый».

«Здорово».

«Здорово».

«Принимайте и меня».

«Ладно, коли не шутишь. Становись рядом».

Прошло время. Уж избу под крышу подводят, а из леса Терентий:

«Погодите, помогу. Без меня не управитесь».

Достроили избу. Пора за пахоту браться. Как вышли пахать, смотрят — Михаил идёт, улыбается.

«Ты чего?»

«Убёг».

«От кого?»

«От жены убёг».

«Ишь ты, какой проворный. Чего ж теперь?»

«С вами хочу».

Вспахали поле вшестером. Вот как-то раз сидят вечером, сумерничают...

Катя будто сама оказалась в избушке на берегу реки, так всё это ей ясно представилось. Сидят за одним столом мужички великанские, а перед ними котёл с кашей. Едят не спеша, обстоятельно. Толкуют про разное, гадают, какой урожай соберут...

— Вдруг дверь настезь — хлоп! Стоит Митюха-кривой.
«Тебе чего?» — спрашивают.
«Вот, хочу с вами компанию водить».
«Мы б с тобой взялись водить, да не знаем, где спать уложить».

«А я лягу на лавке».

«На лавке шапка лежит».

«А я на печке».

«На печке кошка спит».

«А я улягусь в уголок».

«Там мышкин поллог».

«А я пойду в сени».

«Там вилы припасены».

«А я лягу на пороге».

«На пороге досточка с сучком. Досточка подгнила, сучок выпал. Сучок выпал, стала дырочка. Ох, как бы ты в эту дырочку не загремел!...»

И ушёл Митюха ни с чем. Глазом бы он своим всех съел, да только, видно, плохо нацелил. «Я, говорит, поеду в город, бумагу выправлю. Всю землю отберу».

Уехать уехал. Да только что-то назад не возвращает-ся... — Дедушка махнул рукой: — А у нас во-о-она! Селение! Назвали по нашей фамилии Макарово.

Катя поднялась на возу. Слева от дороги вдалеке показались избы. Сани вдруг дёрнули, покатили — быстрее, быстрее...

— Вот шельмец, хозяина потерял! — Дедушка нагнал сани, сел на дрова. Взял у Паши вожжи, крутанул ими над головой и крикнул:

Катись-понеслись
Сани-быстроходки.
Ветерком подкручены,
Солнышком подмазаны,
Ох, ты!..

Катя подалась чуть назад. Получше устроилась, ухвати-лась рукой за дрова. Лёша сидел рядом. Он дышал ей в щёку — стало тепло и щекотно. Но Катя не отстранилась.

- А где ж электростанцию строят? – спросила Катя.
- Сейчас за поворотом увидишь.
- Лёша приподнялся, крикнул:
- Паш! Не забыл? Гляди сразу председателя.
- Я не забыл. Я его увижу. Я его сразу увижу.

НА БЕРЕГУ РЕКИ

А за поворотом они увидели удивительную страну. Нет, её увидела только Катя. За поворотом открылось поле. В поле на снегу пылал огонь. И ветер чуть относил пламя, и оттого оно казалось живым и похожим на огромный цветок. Цветок на снегу – чудно! И Катя подумала, что там, может быть, её страна, сказочная страна, и она спросила Лёшу:

- Видишь?
- Нет, – ответил Лёша. – И Паша вон тоже не увидел. Уехал председатель.
- Дурак, – сказала Катя.
- Кто?
- Ты, кто же.
- Чего ты ругаешься?
- А ты не дыши мне в лицо.
- Что ж мне, помереть?
- Отодвинься.
- Да ну тебя, Катька! Не приставай. Отодвигайся сама, если хочешь.
- Сам отодвинься.
- Я чуточку отодвинусь, и ты чуточку.

Катя обиделась. Она отодвинулась. И скучно смотрела в поле. Теперь это уж была совсем не её страна, волшебная страна... Почему-то огонь уже не походил больше на цветок. Катя ясно видела дрова под костром, воздух дрожал над рыжим пламенем. У края котлована одиноко размахивал ковшом экскаватор: то замрёт наверху, то с сердитым рыком кинет ковш на дно ямы.

Уры-ы-ы! – выхватывал он серую землю. – Ми-ло-рр-р-р-о-оу! – выкрикивал он, когда ковш становился пустым.

Кате казалось, что экскаватор сердится: почему ему никто не помогает? Почему он должен один, совсем один работать? И опять он: уры-ы-ы!

Но никто из колхозников не обращал внимания на сердитый экскаватор. Они работали правее, у самой дороги, — где штабелями лежали кирпичи.

— Экскаватор, чур, мой! Огонь, чур, мой! — прошептала Катя и скосила глаза на Лёшу.

Лёша не услышал. Катя сказала громче:

— Экскаватор, чур, мой! Огонь, чур, мой!

— Экскаватор эртээсовский. На три колхоза работает, — сказал Паша.

Катя рассердилась: ничего эти ребята не понимают. Ведь это она просто так. Что она дура, что ли! А они ничего не понимают. И Лёша воображает из себя. Задавала противный!

Сани подъехали почти к самому котловану. Кабардин ещё не остановился, а ребята соскочили с воза. Катя осталась и взялась помогать дедушке Кузьмичу разгружать дрова. Вдруг зачесалось у неё в носу.

— А-а-апчхи!

— Будь здорова, дочка!

— Спасибо, дедушка!

Посмотрела Катя, а дрова уж на снегу лежат.

— Ну, с одним делом мы с тобой управились.

— Это вы, дедушка, сами управились.

— Что ты, дочка! Ты как чихнула — дрова и посыпались.

Катя засмеялась.

— А теперь, — сказал дедушка, — давай в костёр полешки покидаем. Вон их сколько заготовлено.

Подошла Катя к костру. И хоть кругом мороз, а ей сделалось жарко. Пока Катя кидала поленья в костёр, дедушка приговаривал, точно сказку рассказывал:

— Хорошо пахнет. Смолисто. Скоро, дочка, вся земля согреется. И пройдёт по ней весна-красавица. . .

— Отец! Да ты, никак, небо собрался спалить? И так жарко, как летом.

Катя вздрогнула, уронила полено на снег. Оглянулась: идёт к ним сам Великан Великанище. Дедушка огромный,

а этот на голову выше. Посмотрел дедушка на Катю, засмеялся:

— Что, хорош? Сынок мой, Володя. Да мы, макаровские, все такие. Народ костистый.

«Вот так макаровские!» — подумала Катя. И ходит дядя Володя вперевадку, как и надо ходить великанам. И голос страшный. Скажет — ушам больно. Сначала понять ничего не поймёшь, а только бом... бом... — гремит. Жутко!

— Дядя Володя! Дядя Володя! Помо-оги-и-и!

Катя посмотрела. Лёша махал рукой. А рядом, около дороги, буксовала машина с кирпичом. Дядя Володя легонько погладил Катю по голове своей огромной ручищей и пошёл к машине. А Катя осталась с дедушкой. Может, ей хотелось пойти туда, где все работали, да только ведь её не звали. А Лёшка великанами решил командовать. Подумай! . . А всё равно это её страна. Катя для верности прошептала:

— Чур, всё здесь моё! Всё моё!

Ми-ло-р-р-роу! — сердито кричал экскаватор и бухал тяжёлым ковшом о землю.

Зажмурилась Катя крепко-крепко, и показалось ей, что это гремит земля под ногами огромного великана. Сапожищами он топ-топ. А сапожищи железом подбитые — как ступит, так земля гудит. Только вот лицо у великана простое и весёлое, как у дяди Володи. Открыла глаза, видит: Лёша с ребятами машину с кирпичом разгружают.

— Ка-а-а-а! — услышала она. — Иди к нам.

Катя улыбнулась: догадался всё-таки позвать!

ЗЛОЙ ВЕТЕР, ТЕБЯ НЕ БОИМСЯ!

Лёша стоял на машине без шапки, весь в красной кирпичной пыли, а рядом — молодой колхозник. Он перекидывал кирпич Лёше, а тот — ребятам внизу. И по живой цепочке кирпич сбежал, точно по лесенке. Катя вошла в цепочку в самом её низу. Сразу с налёту подхватив кирпич, она положила его рядом с другими на краю ямы. Один за другим

По живой цепочке кирпич сбега́л, точно по лесенке.

кирпичи сбегали по лесенке вниз, к Кате. И она ловила их: раз! Готово!

— Теперь лежи смирно, — тихо шептала Катя.

Цепочка раскачивалась: вверх-вниз, вверх-вниз. Катя расстегнула пальто, спустила на шею платок. Она старалась как можно ловчее подхватывать и укладывать вёртки кирпичи. И не заметила, когда пошёл снег. Лёгкий и ласковый, он густо ложился на плечи, головы ребят, на красные кирпичи, на всё ещё сердившийся экскаватор. Экскаватор не переставал ворчать и громыал тяжёлым ковшом, так что земля вздрагивала. Это был очень сердитый экскаватор. И Катя его успокаивала, не вслух, а про себя, конечно: «Ну, что ты сердись? Теперь же ты не один. Теперь мы все вместе. И Паша, и Лёша вон на машине. А Лёша ничего парень. Он сначала мне показался так, не очень. Ну и что, подумаешь, хромает? Я вон тоже, когда ушибла ногу, — хромала. Целый день у меня нога болела. Нет, даже целых три дня. А что, если правда Лёша был бы моим братом? Я бы с мамой сюда погостить приезжала. Обязательно!...»

Кто-то словно толкнул Катю в спину. Оглянулась. Никого. Только снежинки почему-то стали не мягкими, ласковыми, а злыми и колкими.

«У-у-у!» — услышала Катя.

Это что ж такое? Холодно как-то стало. Катя застегнула пальто, подняла платок. Снег уже не падал сверху, а налетал и сбоку и снизу. Закружила метель.

Катя вспомнила про почтаря Васю. Вспомнила, как захотел Холодный Ветер погубить почтаря.

— А мы тебя не боимся! — прошептала Катя. — Не боимся, Злой Холодный Ветер!

Ветер уже нёс снег сплошной белой стеной.

«Ху-у-до! Ху-у-до!» — выл Ветер.

Дядя Володя сказал шофёру, чтобы тот отвёз ребят в деревню. Залезли ребята в кузов. Валя, Катя, Лёша и Паша стояли рядом, держась за скользкую крышу кабины. Заревел мотор. И сквозь снег и ветер помчалась машина.

Сердился Ветер, сердился, а в деревне перестал. Машина остановилась около правления колхоза. Не хотелось ребятам

вылезать из кузова: так бы и ехали они и день, и ночь, и сто дней, и сто ночей.

— Приехали! — крикнул шофёр.

СЕНО НА СНЕГУ

Подошли ребята к правлению колхоза «Красный боец». Четыре ступеньки — и они на зелёном крыльце. Открыли дверь. Маленький тёмный коридорчик. Налево ещё дверь. А за ней большая комната. В большой комнате много столов. За одним столом сидел человек в очках, седенький, с бородкой.

«Этот, что ли, председатель колхоза Иван Денисович?» — подумала Катя. А над старичком в очках висел плакат: трое рабочих и трактор. Такой же висел у Лёши в доме. Рабочие с плаката глядели на старичка, а старичок ни на кого не глядел. Он щёлкал костяшками на счётах.

— А где Иван Денисович? — спросил Лёша.

Молчит старичок, только слышно: щёлк, щёлк... Разговаривать не хочет. Тогда Лёша отошёл, подмигнул ребятам и тихонечко сказал:

— Нам Иван Денисович велел одну важную вещь принести.

Сразу замерли костяшки. Старичок поднял голову, поглядел внимательно на Лёшу, спросил:

— Какие же это у вас дела завелись с Иван Денисовичем?

— Очень важные. Иван Денисович сам сказал, чтоб немедленно шли в правление. «Я, говорит, с утра вас здесь буду дожидаться». Вот мы и пришли.

— Так он вас и ждал! Да он с утра на воскресник и по бригадам поехал. Погоди-ка, а чего принести велел?

Лёша чуть задумался, потом выпалил:

— Шерсти.

— Шерсти? Какой ещё шерсти? — удивился старичок.

— Чёрной.

— И много?

- Сто пудов.
- Да откуда у вас шерсть?
- А мы с шапок настрижём.

Валя фыркнула, зажала рот рукой.

— Вот в чём дело... — Старичок поверх очков поглядел на Лёшу. — Скажи, а это не вам Иван Денисович записку оставил? Подойди-ка поближе, ещё поближе...

Только Лёша подошёл, а старичок подскочил да как схватит у него шапку с головы. Положил на стол, говорит:

- С этой я сам настригу. А вы ещё несите.

И такой у Лёши сделался растерянный вид, что ребята засмеялись. А старичок тоже улыбнулся и опять за костяшки взялся: щёлк, щёлк.

Лёша не стал выпрашивать шапку. Он повернулся и пошёл. Ребята за ним.

— Кто этот старичок? — спросила Катя, когда все вышли в коридор.

- Сергей Сергеевич, счетовод, — сказал Лёша.

- Как же теперь ты без шапки?

— Это ещё беда не беда, — сказал Лёша. — Вот где Ивана Денисовича найти?

— Где ж найдёшь? — вздохнул Паша. — Он теперь до позднего вечера катать будет.

— Обязательно будет, — сказала Валя. — Семь бригад не обежишь. Мы в одну, а он — в другую. Мы в другую, а он уж через лес и дальше.

А Катя всё думала: «Без шапки Лёша замёрзнет. На улице ветер, мороз. Обязательно замёрзнет». И вот тогда она случайно сунула руку в карман. И в кармане что-то захрустело. Катя вспомнила: письмо! Она вытащила белый бумажный треугольник.

- Вот письмо, — сказала Катя.

— Это здорово ты придумала! — сказал Лёша. — Мы Иван Денисовичу прямо на стол его положим. Как приедет, так и увидит. Молодец, Катя!

Катя про это ещё ничего не думала. Но она очень обрадовалась. Потому что они с Лёшей вместе так придумали.

— Как же мы его на стол положим? — спросил Паша. —
Надо же опять мимо Сергей Сергеевича идти.

— Мы его обманем, — зашептал Лёша. — Я его заговаривать стану, а ты, Паш, тихонечко в кабинет зайдёшь. Не струсил?

— Сам бы не струсил! — обиделся Паша.

Ребята опять зашли в большую комнату. Сергей Сергеевич даже головы не поднял: щёлк да щёлк на своих костяшках.

Паша тихо-тихо стал подбираться к кабинету председателя. А старичок всё щёлк да щёлк. А Паша уже мимо идёт... И вдруг поднял старичок голову.

— Сергей Сергеевич, как это называется? — сказал Лёша и показал на окно.

— Что? — спросил Сергей Сергеевич. — Чего там?

А Паша в это время и проскочил в кабинет.

— Ну, как это называется? Ну, такое, если жик — и нету? — опять спросил Лёша.

— Чего нету?

— Ну, если корове рога — жик. И нету.

— Зачем же это корове рога — жик?

— А чтоб молока больше давала.

— Да разве в рогах дело?

— Нет, Сергей Сергеевич. Не рога, а если у коровы хвост...

— Чего хвост?

— Жик — и нету. Ведь тогда ох будет!...

— Чего тогда будет?

— Как тогда корова будет называться?

Сергей Сергеевич озадаченно почесал затылок, покачал головой; от удивления у него очки совсем на лоб полезли. А тем временем Паша вышел из кабинета. Лёша подскочил к столу и схватил шапку.

— Спасибо, Сергей Сергеевич! Я теперь сам догадался. Корова будет называться комолой да убогой.

Ребята с хохотом выскочили в коридор, а оттуда — на улицу.

— Ох, не могу! — смеялась Валя. Она бежала и подпры-

гивала: скок, скок! Захлопала в ладоши, стала напевать. Сначала тихонечко, потом громче, громче:

Раз, два, три, четыре, пять.
Молоко хотят нам дать
Сто коров без рогов,
Сто коз без хвостов,
Три козла, три быка.
Сколько будет молока?

Ребята замерли на секунду. Засмеялись. И вот уж по дороге, обгоняя их, понеслась звонкая считалка:

Раз, два, три, четыре, пять.
Молоко хотят нам дать...

Ребята повернули с улицы налево, на узенькую тропку.

— Это куда мы? — спросила Катя.

— К сараю. Толюна сменять, — сказал Лёша.

— Ой, а Толюн, поди, ещё караулит! — всплеснула Валя руками. — Замёрз, наверно, бедняжка.

Подбежали ребята к сараю. А около сарая следы от грузовика, на снегу — клочья сена. Заглянули внутрь: что такое? Всё сено переворошено.

— Эй, Толюн! — крикнул Лёша.

Из тёмного угла вышел маленький хмурый человек. И пальтишко и шапка — всё в сене.

— Ты чего, спал?

— Не, — покачал головой Толюн.

— Он не спал, а сено жевал, — засмеялась Валя.

Толюн даже не посмотрел на неё:

— Я искал железо и стекло.

— Да куда ж оно делось? — удивился Лёша.

— Не... не знаю.

— Да ты ведь здесь всё время был.

— Не. Я домой бегал... За пистолетом...

— Пистолетом?!

— Я домой бежал... За пистолетом...

— Ну да... Раз сторож, надо ружьё там или пистолет. Я и побежал домой.

Толюн вытер рукавом нос. Казалось, он сейчас заплачет. Но он не заплакал. Из кармана вытащил деревянный пистолет. Вместо дула — накрепко прикрученная проволокой чёрная трубка от ученической ручки. Это был добротный сделанный пистолет.

— Я прибёг обратно, — уныло оправдывался Толюн, — а там сено расшвырено.

У Лёши глаза сузились, потемнели:

— Швырнуть бы тебя самого! Теперь не жди, чтоб часовым. Ишь, с пистолетом! Иди отсюда!

Толюн спрятал пистолет в карман, насупился, отошёл немного и остановился.

— А может, всё в колхоз увезли? — сказал Паша.

— Ой, верно! — весело подхватила Валя. — Приехали, погрузили да в Киреевку увезли или в Дудино.

— Не похоже. Сено вон как расшвырено, — сердито буркнул Лёша.

Ребята вышли из сарая. Оглядели раскиданные кучки сена и следы в ёлочку — от грузовика. Но куда они ведут, эти следы? Куда?

ХИТРЫЙ ПЛАН

Ребята подошли к избе, что одиноко стояла почти в поле. От деревни её отделяла широкая балка, вся засыпанная пушистым снегом. Они прошли по мосткам и остановились около палисадника. Лёша дёрнул калитку. И сразу же раздался глухой, будто простуженный лай. Гремя цепью, на них бросилась огромная овчарка. Проволока, на которую была надета цепь, зазвенела и натянулась до предела.

— Брось брехать, Джек, — успокаивал Лёша.

— У-у! Волчина! — буркнул Толюн и замахнулся кулаком.

Оглядываясь на собаку, бочком, один за другим ребята вошли в тёмные сени и тихо постучали в дверь.

— Чего вам? — загремело за дверью.

— Дядя Никифор, это мы, — ответил Лёша.

На пороге показался хозяин.

— Вижу, что вы. А за каким делом пожаловали?

— Мы насчёт железа.

— Какого железа?

— Кровельного. И ещё стекла.

— Пусть мамки в контору приходят. Нынче воскресенье.

Не слышал?

— Мы не для себя, дядя Никифор. Мы хотели спросить: может, со склада пропало?

Дядя Никифор ничего не ответил Лёше. Он ужасно долго молчал. Но вот хлопнула дверь чулана, и дядя Никифор ответил, и голос у него точно посветлел:

— Чего ж это вы, ребятки, в сенях. В комнаты заходите.

Ребята остановились на пороге. Дядя Никифор прошёл в кухню, и оттуда послышался его прерывистый шёпот. А потом из кухни выплыла толстая женщина, с красными яблочными щеками и утячьим ротиком.

— Дитяточки, — пропела она. — Раздевайтесь. Будьте гостями.

Появился сам хозяин. На свету он казался особенно щуплым, сморщенным, будто высохший корешок. Глядел на ребят как-то боком, одним глазом, по-петушиному.

— А я, признаться, не понял. Какое ещё железо и стекло?

— Ну, то, что в сарае лежало, — сто пятьдесят листов железа и ещё три ящика стекла, — напомнил Лёша.

— Да что ты такое говоришь?!

— Сами в сарае видели, — сказал Лёша.

— В каком сарае?

— Где сено, около ферм.

— Железо и сейчас там? — спросил дядя Никифор.

— Мы караулили, — покачал головой Лёша, — да только его увезли.

— Вот что, ребятки, — сказал ласково дядя Никифор. — Это вы хорошо надумали ко мне зайти. Вы пока посидите, а я мигом проверю.

Он быстро надел пальто, шапку, крикнул:

— Марусенька! Накорми ребятишек по случаю воскресенья-то.

И хлопнул дверью.

Толстая женщина внесла большую тарелку с красноватыми, масляными пирогами. Катя отвернулась, стала глядеть на потолок. А пироги тянули её к себе, упрашивали: глянь на нас! Хороши, да? Катя поглядела на пироги, а потом покосилась на ребят. Они тоже отводили глаза от тарелки, высматривали что-то на потолочной балке.

— Дитяточки! — пела тётя Маша. — Кушайте пышечки! По случаю воскресенья.

Лёша толкнул Катю в бок и кинулся в сени. И пока ребята топали по сениям, им вдогонку несло ласковое:

— Куда же вы, дитяточки?

А на дворе их ждал дикий, злобный лай свирепого Джека.

— Он побежал к Фёдору! — проговорил Лёша.

— Кто он? — не поняла Катя.

— Дядя Никифор.

В другой конец деревни, где жил Федька, ребята пробирались не улицей, а задами, через огороды. И пока шли, Лёша рассказывал, что всё время глядел дяде Никифору в глаза, хотел заколдовать. И Лёша всё твердил про себя: «Проговорись, проговорись! Скажи, я знал, что украли железо и стекло. Скажи, я сам помогал. Сам помогал». А дядя Никифор что-то чувствовал и всё время закрывал один глаз. И головой вертел. И всё морщился, морщился. А потом побежал. И Лёша сразу понял, что побежал он вовсе не на склад, а к Федьке, чтоб предупредить: ребята, мол, всё разведали.

Дядя Никифор побежал улицей, а они огородами раньше его к Федькиной избе придут. Спрячутся и будут ждать. А потом они проберутся к окошку или даже в сени и станут слушать. И они узнают, куда увезли железо и стекло. Вот какой это был хитрый план!

Паша сказал:

— Ох и головастый ты, Лёша!

Катя глядела на Лёшу и гордилась, будто он и вправду был её брат.

— А серый волк сидит, — сказал Паша, — ничего-ничего не знает. Даже не догадывается.

— А охотнички уже идут! Уже идут! — засмеялась Валя и, обогнав ребят, запела:

Серый волк —
Острые зубищи,
Злобный волк —
Зелёные глазищи.
Ты теперь пропадёшь,
Ты от нас не уйдёшь.
Постой,
Погоди,
Никуда
Не ходи!

«ПЛОХОЙ ТЫ МУЖИК, ЛЁША!»

Большая изба под зелёной крышей была теперь нема. Ребята тихонечко открыли калитку, огляделись — никого, и стали продвигаться к дому.

— Ой-ёй! — прошептала Валя. — Кто-то ходит.

Прислушались. Скрип, скрип, скрип. Замерло. И опять: скрип, скрип.

— За домом, — сказал Паша.

— Может, он кого выставил охранять?

— С ружьём!

Лёша начал обходить избу с другой стороны.

— Давайте лучше уйдём, — прошептала Валя.

Опять за домом: скрип, скрип, скрип.

— Эй, сюда! — услышали они Лёшин голос.

Ребята обошли избу и увидели беленькую девочку Капу.

— Ты что здесь делаешь?

— А я свою варежку нашла, — сказала Капа. — Она тут в снегу валялась.

— Так с тех пор и ходишь? — спросил Лёша.

— Ага, с тех пор. Шибко замёрзла! Я за баней пряталась.

А что тут было! Федька пьяный в одной рубашке выскочил. Тётя Марфа за ним. А он: «Продавай всё сейчас же! Тесно мне». А она: «Тесно – беги в поле!» А он: «И убегу! А не продашь, всё за так спалю». Вытащил спички – чирк, чирк. А уж потом-то забузотёрил! Схватил топор – и по яблоне. Да тётя Марфа увела его. Я уж хотела уходить, слышу – около дома машина остановилась. Гуднула так тихонько: ту-ту! Вышел Федька в шапке да в пальто – и к машине. Я выскочила за ним, подкралась.

– А что за машина? – спросил Лёша.
– Обыкновенная. Сено в кузове. Сено куда-то везли.
– Сено?
– Ага!
– А под сеном что?
– Я под сено не лазила.
– А Федька сказал, куда ехать?
– Нет. Он только сказал: «Гулять ещё буду. Мне тут тесно. Эх! – говорит. – Напоследок бы Ивану насолить. Всё бы здесь потоптал».

– Какому же это Ивану? – спросила Катя.
– Ясно какому: председателю, Иван Денисовичу.
– А ещё что? – спросил Лёша.
– Больше ничего. Да вот ещё, говорит: «Как в город съездим, я потом в теплицу пойду. Хочется мне, говорит, огурца зелёного».

– Кому же это он говорил?
– Да каким-то не нашим двоим. Один – в пальто, а другой – в телогрейке, шапка лохматая.
– Скажи, Капа, а кладовщик дядя Никифор не заходил?
– Нет, не заходил. Я тут осталась. Думаю, покараулю пока.

– Ишь ты какая!
– У меня сестрёнка смекалистая! – похвастался Паша. – Ну, беги домой, погрейся. Да скажи бабушке: пускай мне щей побольше оставит.

Кате как-то сразу тоже захотелось есть, захотелось в тепло, в дом.

В деревне уже садились за столы. На шестках гремели

— Иван Денисович, украли железо и стекло! — закричали ребята.

чугуны, важно выговаривая: «А мы-то, мы-то — брюхо сыто!» И выпускали, точно паровозы, клубы пара. Нетерпеливо звенели тонкими голосами тарелки. Пахло щами, варёным мясом, рассыпчатой картошкой, кислым молоком и нестерпимо сладким запахом сдобного пирога.

А пятеро ребят всё бегали по улице и приставали к прохожим:

— Иван Денисовича не видали?

— Кажись, на конюшне.

Бежали на конюшню.

— Здесь Иван Денисович?

— Был да ушёл. Домой. Что ж ему, и в воскресенье не отдохнуть?

Прибежали домой. А он только что уехал в РТС.

И вдруг на краю деревни их нагнал зелёный «газик».

— Вы куда? — спросил шофёр, высунувшись из окошка кабины.

— Ой, Иван Денисович! Иван Денисович! — закричали ребята.

За рулём сидел сам председатель — белая шапка, белый полушубок, как у деда-мороза, только лицо у него было молодое, без бороды.

— Иван Денисович, украли железо и стекло! — закричали ребята.

— Знаю, — нахмурился Иван Денисович. — Мне кладовщик рассказывал.

— Дядя Никифор? — не поверили ребята.

— Он самый. Говорит, вы железо в сарае нашли.

— Нашли, — сказал Лёша.

— А где же оно сейчас?

— Не... не знаем.

— Как же это вы, друзья, раньше не рассказали?

— Мы хотели...

— Хотели! А не рассказали. Вы уж не маленькие.

— Мы вас искали, — сказал Лёша.

— Зачем меня искать? Пошёл бы да отцу и рассказал.

А теперь увезли воры колхозное железо и стекло. Где найдёшь?

— Не знаю, — буркнул Лёша.

— Вот и я не знаю, — покачал головой Иван Денисович. — Эх, плохой ты мужик, Лёша!

Дверца машины захлопнулась. Обдавая ребят снежной пылью и бензинным духом, машина сердито рыкнула и промчалась мимо. Ребята остались стоять на дороге.

— Ну, я пойду, — сказал Паша.

— И я хочу есть, — сказала Валя.

— Ты иди, — кивнул Лёша. — Иди с Катей. Скажи бабушке, я тоже скоро приду.

— А можно я с тобой? — спросила Катя.

— Мне что, — сказал Лёша, — как хочешь.

— Скорей приходите! — крикнула Валя и побежала к дому.

Некоторое время Лёша и Катя шли по улице, а потом опять свернули в сторону. Сзади зашкрябел снег. Они оглянулись. К ним спешил Толюн.

— Ты чего привязался? — спросил Лёша.

— А я так, — сказал Толюн и остановился.

— Небось ищут дома-то.

— Ну и пускай. Я с вами.

Лёша не стал спорить.

ТЁПЛЫЙ ДОЖДИК

Тысяча солнц светили сразу. А может, не тысяча, меньше — Катя не считала. Она легонько трогала рукой тёмно-зелёные листья. Вздрыгнет листик и опять замрёт. Ишь ты, живой! Здорово как! Только уж очень жарко. Пáрит. Катя расстегнула пальто. Вот-вот ударит гром, хлынет дождик. Тёплый дождик. Застучат торопливые капли по зелёной листве...

Катя видела за стёклами теплицы снег. Тёмный снизу, а выше — белый, сверкающий. Там, на поле, снег, холодный ветер, а здесь, в теплице, зелёные листья.

Ребята пришли сюда, чтобы выследить Федьку. А Лёша придумал план. Как только Федька откроет дверь в теплицу, а там будто нет никого — ребята спрячутся и станут ждать.

Федька нарвёт огурцов и захочет уйти, а Лёша как выскочит, как закричит: «Ага, попался! Скажи, куда девал железо и стекло?! А не скажешь, расскажу Иван Денисовичу, как ты огурцы колхозные из теплицы воровал!»

Лёша не отступится, пока всё не узнает. Хоть умрёт, а не отступится. Вот какой это был смелый план.

— Если боитесь Федьку, не ходите, — сказал Лёша.

Толюн засопел и ничего не ответил.

— Я не боюсь, — сказала Катя.

А по правде она очень боялась. И ещё ей очень хотелось есть. А когда Катя открыла дверь в теплицу, то всё, что было там, на улице, в поле, на морозе, среди снежных сугробов, сразу забылось. Точно по волшебной дорожке пришла Катя из зимы прямо в зелёное, жаркое лето.

Вдруг Катя увидела, как из-за стеллажа с зелёными растеньицами вышла женщина в синем халате. «Как бы не прогнали нас отсюда! — подумала Катя. — Ведь никто не знает, зачем мы здесь».

— Что-то вам, ребятки, дома не сидится? — спросила женщина и улыбнулась.

— Пришли, тётя Поля, погреться, — сказал Лёша. — Замерзли на дворе. — Лёша запласал на месте, точно вправду очень замёрз.

— А эта чья? — спросила тётя Поля.

Лёша сказал, что Катя — его сестра. Приехала к ним погостить. Катя даже ничуть не покраснела. Привыкла, что Лёша теперь её брат. А потом совсем осмелела, стала ходить вдоль стеллажей и трогать растеньица пальцем. Тётя Поля не сердилась.

— Что, красиво? Ведь такого раньше у нас не было. Теперь привыкли. И ребята к нам часто ходят. И ты, Катенька, к нам ещё приходи.

— Тётя Поль, вы идите. Мы тут побудем, — сказал Лёша.

— Как же это я хозяйство брошу? Полить ещё надо.

— Мы польём. Не первый раз, — сказал Лёша.

Катя поняла: Лёша хочет, чтоб они остались одни в теплице.

— Я, правда, сходила бы на минутку, — сказала тётя

Поля, — корова у меня не доена. А вы, ребятки, глядите здесь, чтоб всё хорошо, аккуратно.

Тётя Поля сняла синий халат, надела пальто. Спрятала своё распаренное, красное лицо в платок и стала похожа на большой весёлый шар. «Будто колобок, — подумала Катя. — Я от дедушки ушёл и от бабушки ушёл». И ей, Кате, пора дальше в дорогу. Почему только она не уходит от этих ребят? И что будет, если придёт Федька? Что будет?..

Глухо хлопнула наружная дверь. Ребята огляделись. И хоть по-прежнему ярко, в тысячу солнц светили длинные трубочки ламп, Кате не было покойно. Не шелохнётся тёмно-зелёная листва, будто замерла, будто тревожно ожидает чего-то. Жалко, что ушла тётя Поля.

— А где хорониться будем? — тихо спросил Толюн.

— Сперва польём, — сказал Лёша. — Услышим, если что.

Ребята взяли лейки. Катя первой открыла кран и подставила лейку.

— Ой, тёплая! — удивилась Катя.

— В самый раз, — сказал Лёша и подставил свою лейку. Он всё делал, как хозяин.

Ребята ходили вдоль длинных стеллажей с землёй: В два ряда тянулись аккуратные зелёные растения.

— Дождик, дождик, пуще! — пели ребята, стараясь не пропустить ни одного растения.

А когда лейки становились лёгкими, они снова спешили к большому медному крану. Кате нравилось, что дождик по её хотению начинался и потом стихал. Кап! Кап! — торопливо стучали последние капли. Ребята забыли про злого Федьку, забыли, зачем они сюда пришли, а только радовались теплу и зелени.

— Ой, смотрите, огурец! — крикнула Катя. — И ещё огурец! И ещё!

— Вчера было больше, — сказал Лёша. — Собрали. Завтра опять собирать.

— А вон там что это? — спросила Катя.

— Улей.

— Зачем?

— Без пчёл нельзя, — сказал Лёша. — Завязь опадёт.

— Значит, и мёд у вас?
— Не-ет. Их самих дедушка Кузьмич сиропом кормит.
— Какой же это дедушка? Тот самый, что нас на санях вёз, да?

— Он и есть.
— А пчёлы его не кусают?
— Они его знают. Он к ним не так, а с прибаутками. — И Лёша дедушкиным голосом прокричал: — Эй, вставайте, пчёлы! Вставайте, лежебоки! Протрите глазёнки, почешитесь, причешитесь. Солнце высоко. Пора на работу.

«Просто как в сказке, — подумала Катя. — Огурцы зелёные! Пчёлы! Привести бы сюда маму, бабушку, Виктюшу да всех мальчишек и девчонок: «Глядите, что здесь! Глядите, куда лето спряталось!»

ДЫРА В СТЕКЛЯННОМ НЕБЕ

Лёша послал Толюна в разведку — узнать, вернулся ли в деревню Федька. А заодно тётю Полю позвать — не век же им тут сидеть.

В теплице сделалось будто ещё жарче. Катя сняла платок. Поглядела на стеклянное небо. Темнело. Пора уж ей уходить, а то будет поздно. Куда ночью — страшно! А вот что сказать Лёше? Опять соврать?

Катя взяла со стеллажа комок земли. Начала мять. Мокрая земля липла — получился маленький шарик. Катя пустила шарик, и он спрятался среди зелёных кустиков. «Колобок укатился», — подумала Катя, а вслух сказала:

- Я пойду, Лёш.
- Что, Федьку испугалась?
- Ничего я не испугалась.
- Погоди тогда. Сейчас Толюн прибежит.
- Нет. Я к маме иду.
- К маме? Да разве она приехала?

«Сказать или не сказать? Сказать или не сказать?» — думала Катя. И вдруг глаза у неё часто-часто заморгали. Катя села прямо на пол и заплакала.

— Ты чего? — испугался Лёша.

— Не при-ста-вай!

Лёша совсем растерялся.

А Катя сидела и плакала. Сквозь слёзы она рассказала Лёше и про город, и про маму, и про Виктюшу, и про шофёра — всё рассказала, ничего не утаила. И стало ей легко. Поглядела она на Лёшу и вдруг засмеялась:

— Какой ты полосатый! Лицо всё грязное.

— А у тебя-то лучше? Как у зебры.

Катя встала. Отряхнула пальто. Ей теперь захотелось, чтоб Лёша и вправду был её братом.

— Ты про меня ребятам не скажешь? — спросила она.

— Чего уж там!

— Я вот посижу ещё немножко и уйду. Ты меня проводишь?

— Ладно, — согласился Лёша и протянул ей зелёный огурец.

— Зачем?

— Ну, просто так. Под стеллажом нашёл. Возьми. Будешь где... у бабушки или вот маме покажешь. Из Козлова, значит. А сорт — клинский. Запомнишь?

Вдруг задребезжала входная дверь и кто-то затопал в коридоре. С грохотом распахнулась вторая дверь. Катя так и села.

— Прячься!

В дверях стоял Федька. Огромный, пальто нараспашку, без шапки. Спутанные волосы падали на лоб и почти закрывали красные, налитые кровью глаза. Катя вспомнила: такие глаза были у хряка, что жил у бабушки в сарае. Катя раз увидела, как хряк рвал на части курицу, зашедшую к нему в клеть.

— Э-э-эй! Кто здесь? — прогремело в душевной тишине теплицы.

У Кати сдавило горло, губы пересохли.

— Молчи! Молчи, Лёша!

— Хозявы-раззявы, — захохотал Федька. — Дверь-то открыта!

Качаясь, Федька двинулся к стеллажам.

— А если я желаю огурчика! А? Молодого, зелёного!
Федька пошуровал рукой по стеллажу, сорвал огурец вместе с листьями. Откусил, выплюнул:

— Уу! Во рту горько!

Протянул руку за другим.

— Не трогай!

Лёша выскочил из-за стеллажа. Федька поглядел оторопело:

— Кто таков?

— Уходи отсюда, пьяная морда!

— Ах, это ты, малявка?

Покачиваясь, Федька двинулся на Лёшу.

— Следишь, значит? И в саду у меня шныряете.

— Сейчас тётя Поля придёт. Уходи!

— Она придёт, придёт, — приговаривал Федька и двигался к Лёше. Федькин голос будто даже подобрел. Но красные глаза стали ещё злее. — А я встретил кладовщика Никифора, говорит: ребятки к нему заходят. Про разное там железо, стекло рассказы рассказывали. Он добрый, Никифор. Пирогам, говорит, угощал. Он добрый, а я-то нет. Ты знаешь, кто я есть?

— Знаю. Пьяница.

— Пьяница? — Федька подошёл совсем близко.

Катя почувала мерзкий дух винного перегара, вся сжалась и омертвела. Неожиданно Федька улыбнулся:

— Да, малость выпил, это точно. А почему бы не выпить? Уезжаю я!

Он качнулся и будто нечаянно провёл ладонью по Лёшину лицу.

— Не трогай!

— Ах ты малявка! С кем задумал шутки шучивать, — ухватил он Лёшу одной рукой.

— Пусти!

— Видишь, как я тебя могу, комарик ты!

Вдруг, изловчившись, Лёша вцепился зубами в толстую руку.

— Ах ты щенок!

Федька отдернул руку и наотмашь ударил Лёшу. Мальчик

— А: ты малявка! С кем задумал шутки шучивать, — ухватил он Лёшу.

покачнулся, упал. У Кати всё поплыло перед глазами, она дико закричала:

— А-а-а!

Федька отшатнулся.

— О-о! У вас тут засада! Ну, вылезайте все!

Катя не двигалась. Сидя на земле, она, не переставая, кричала.

— Эй, не ори! Чего ты?

Качаясь, Федька пошёл к выходу. У двери остановился. Схватил лейку и запустил ею в раму. Зазвенело разбитое стекло.

— Ах, мелюзга, вздумали с кем шутки шутить!

Федька омерзительно выругался, хлопнул дверью. В теплицу ворвался морозный воздух, и Катя, будто захлебнувшись им, сразу замолчала.

— Лёш! — бросилась она к мальчику, лежавшему на земле. — Лёша! Лёша!

Мальчик не отвечал.

«Что ж такое, а? — думала Катя. — Надо людей позвать. Почему он молчит?»

— А-я-яй! — заплакала Катя.

Мальчик открыл глаза.

— Лёша, он тебя не убил?

— Ничего, живой. А Федька ушёл?

— Ушёл.

— Ну, тогда я ещё полежу.

Катя протянула руку, дотронулась до Лёшиных волос.

— Ох, кровь! Лёша! Ты правда живой?

— Живой.

— А чего ты молчишь?

— Сейчас я встану. Погоди-ка.

— Лёша, он тебе голову разбил, он тебя хотел совсем убить! У, зверюга!

— Это я об стеллаж стукнулся.

— Лёша, я боюсь.

— Чего ты? — Мальчик приподнялся. — Где шапка моя?

— Погоди. Я тебе голову посмотрю.

— Не надо. Сейчас ничего. Что-то ветром обдаёт.

— Он стекло разбил. Как схватит лейку, как запустит!
Из дырки в стеклянном небе с шумом садил ветер со снегом.

— В коридоре маты лежат, — сказал Лёша. — Закроем дыру-то.

В коридоре Лёша показал на свёрнутые, как половики, рыжие маты из сухого камыша.

— Вот берись.

Ребята вышли на волю. Ветер ударил в лицо снежинками. Опять поднималась метель.

«У-у-у!» — выл ветер.

Катя опустила голову, спотыкаясь пошла за Лёшей вдоль теплицы.

«Ху-уудо! У-у!» — натужно рычала вьюга. Кате почудилось, будто где-то рядом опять раздался пьяный Федькин голос. Он мешался с воем холодного ветра в одну злобную песню.

Толкая друг дружку, они подобрались к разбитому стеклу и с трудом натянули камышовый мат на стеклянную стенку.

ЧЕРЕЗ ЛЕС

Лес стоял весь отуманенный, сизый. Чем дальше, тем становилось тише, покойнее. Всё кругом будто затянуло паутиной. Провалившись в рыхлом снегу, молчаливо стояли живые деревья.

Скрип, скрип, скрип...

Катя шагала вслед за Лёшей по узкой тропке. Она глядела на тёмные ели, и было ей боязно. Лес огромный — и где только его край? Темно-то как!

Скоро ночь.

Скрип, скрип, скрип...

После теплицы они зашли домой.

— С кем ты дрался? — спросила бабушка. — Федькина Марфа на тебя жаловалась. Прибежала в слезах. «Уйми, говорит, их, чертей, проходу не дают. В сад забрались. Яблоню сломали». В суд грозитя подать.

Лёша ничего не ответил и шепнул Кате, чтоб она тоже молчала.

Теперь Катя шагала вслед за Лёшей по тропе. Мальчик сильно хромал. Устал, видно, за день.

«Ну и хитрый же Федька, — подумала Катя. — Жену поговорил нажаловаться на ребят, а дерево сам срубил, пьяница. Кто же теперь поверит, что это не ребята срубили? Зря она, Катя, тогда бабушке прямо не сказала. У-у, ворюга Федька! Может, он уже из деревни удрал? Может, где здесь ходит?»

Скрип, скрип, скрип. . .

— Лёша, далеко ещё? — спросила Катя.

— Скоро бугор будет, а там — рядом. Ты не бойся, дойдём. Дойдём.

— Я не боюсь.

Катя почти наступала на Лёшины валенки, старалась не отстать. Теперь её уж не удивляла его ныряющая походка: подумаешь, хромает! Люди могут бегать, могут прыгать, могут хромать, могут ползать, но они не должны бояться. А ей чуточку страшно. Нет, она не боится. Но всё же одной плохо. А хорошо бы, Лёша правда был её братом! Лёша, он такой, он обязательно выведет её на шоссе. Он сказал, что коротким путём выведет. И на машину посадит. Значит, она скоро увидит маму. Интересно, что сейчас мама делает? Наверно, Коляшку укладывает спать. А может, ещё ужин готовит? Вспомнила Катя Виктюшины слова: «Придётся домой, поступишь, а мама спросит: «Кто там?» А ты: «Девочка одна, вам знакомая!» Мама, мамочка, я к тебе иду!

Скрип, скрип, скрип. . .

Но что это? Вроде ветка надломилась. . .

— Лёш, слышишь!

— Чего?

— Кто-то идёт.

— Это от мороза дерево трещит.

— Не-е! Ещё треснуло, близко.

— Постой-ка, я погляжу.

— Лёша, не ходи. Волки!

— Волки тут редко, только заходом.

— А может, они зашли.

Лосиха подняла голову, втянула ноздрями воздух.

— Ничего. Волк человека не тронет. Боится.
— Лёша, стой!
— Чего?
— Я одна тут.
— Ну, иди за мной, там просек.
— Лёш, у меня валенок провалился.
— Вот нескладная. Погоди, выташу. Ты на мой след шагай, не провалишься.
— Лёша, а ты не боишься?
— Меня не съест. Это ж наш лес. Я тут всё знаю. На просеке мы летом сено убирали.
— Ой, гляди, кто это?
— Тише. Лосиха с телёночком.
— А она нас не заботится?
— А ты стой и не шуми.
— Лёш, я тихо. А чего она жует?
— Сосновую верхушку ест, — прошептал Лёша. — У молодых сосенок они маковки начисто обгладывают.
— Смотри, Лёша, — прошептала Катя. — А телёночек что делает?
— Матку отталкивает.
— А мать-то его лижет. Любит своего дурачка маленького.

Лосиха подняла голову. Втянула широкими ноздрями воздух. И вдруг сорвалась с места. А за ней, вскидывая тонкие ноги, поскакал лосёнок. Они пересекли просеку и скрылись в осиннике. Но ещё с минуту слышался там треск веток. Потом опять всё смолкло.

Ребята вернулись на тропинку.

— Лёш, давай посидим. Я устала.
— Да уж скоро дойдём.
— Нет, сядем.

Ребята усадились на поваленную берёзу, полузасыпанную снегом. Катя вытащила из портфеля два куска хлеба с салом. Один отдала Лёше.

Стало ещё темнее. Небо будто задёргивалось серым покрывалом. Всё замолкло в лесу. Ребята ели и тихонечко разговаривали.

— Лёша, знаешь, что я придумала? Давай ты будешь моим братом.

— Как так?

— Ну, просто будто мы с тобой брат и сестра, хорошо? Ты чего молчишь?

— А чего говорить? И так все думают, будто ты мне сестра.

— Лёш, а ты всем скажи, что я наврала.

— Зачем?

— Не хочу я, как теперь. Мы с тобой лучше будем совсем, совсем как родные. Только ты про это никому не говори, ладно?

— Ладно. А ты ещё к нам приедешь?

— Не знаю.

— Ты к нам летом приезжай. Летом хорошо. На покос поедem. Мы, как в луга приезжаем, шалаш строим, на сене спим. Днём на волокушах копны возим, а вечером с ребятами рыбачим. Я раз на косилке работал, честное слово!.. А другой раз я лежал на траве, спал. Просыпаюсь — надо мной жаворонок кружит, близко-близко, хохол видно. А это я, знаешь, гнездо его потревожил. А ещё раз я шёл босой. Вдруг из валка сена — гадюка. Подняла голову — и на меня: «Ш-ш-ш!» Хорошо, отскочил!

— Лёш, у меня чего-то в валенок снег набился.

— Это когда мы лосиху глядели?

— Ага.

— Ты б шагала след в след.

— А у тебя самого мокрые ноги?

— У меня ладно. Высохнут.

— Лёша, я чего придумала — давай мы будем не брат и сестра, а жених и невеста. А все будут думать, что мы брат и сестра.

— Это ещё зачем?

— Так.

Катя проворно вскочила и крикнула:

Женишок! Женишок!

Подрасти на вершок!

Потом схватила горсть снега, кинула в Лёшу. Лёша пригнулся и запустил в неё снежком.

— Э-э! Не попал! Не попал!

Катя отскочила в сторону и, размахивая портфелем, побежала...

Вот и кончился лес. Внизу, гремя и сердито фыркая, проносились по шоссе машины. Было почти совсем темно. И на шоссе то ярко вспыхивали, то гасли огни фар. Казалось, машины хотели сказать друг другу что-то очень важное, самое нужное, а встретившись, ничего не успевали. И молча пробегали мимо.

Катя подумала — вот сейчас она спустится вниз на шоссе и уедет далеко, в город. Когда ещё она снова увидит этот большой лес, где бегают лосиха и лосёнок? Там, за лесом, — заснеженное поле, а за полем — Козлово, а в Козлове живёт Лёша. И увидятся ли они ещё? Может, она больше никогда сюда не приедет.

Катя оглянулась:

— Лёш, давай ещё постоим.

— Давай. Только уж темно.

— Ничего. Теперь я доеду. Лёша, а я напишу письмо Вале и тебе.

— Напиши.

— А ты мне напишешь?

— Ага.

— Лёш, а что это за камень, большой какой?

— Это могила.

— Чья могила?

— А это ещё давно, в войну, фашисты расстреляли здесь партизан. Только фамилии их так и не узнали. Весной мы сажаем здесь цветы.

— Лёш, а можно я к вам сюда ещё весной приеду? — спросила Катя.

— Конечно, приезжай.

— Ладно, пошли, — тихо сказала Катя.

Они начали быстро спускаться с бугра к вспыхивающему огнями шоссе. «Нет, — подумала Катя, — обязательно приеду ещё сюда. Вместе с мамой. И будем жить у Лёшиной бабуш-

ки. А потом Лёша и Валя приедут в гости к нам. Даже очень скоро. Вот будет здорово!»

— Лёша, а ты не умрёшь?

— С чего это?

— И я не умру. Я буду всё жить, жить...

Катя засмеялась.

НЕ БОЙСЯ — НЕ СЪЕСТ

Яркий свет ослепил их. Ребята зажмурились.

Тр-э-э! — заскрежетали тормоза. Рядом остановился мотоцикл.

— А-а! Нашлась! Екатерина Дронова?

— Я, — прошептала Катя и со страхом посмотрела на высокого милиционера.

— Иван Андреевич, куда это её?

Милиционер поглядел на Лёшу, словно только что заметил его:

— И тебя тоже. Сядешь сзади. А Дронова — в коляску.

Катя с трудом влезла в низкую коляску, похожую на маленькую лодку. Мотоцикл свирепо затарахтел. Лёша вцепился побелевшими пальцами в резиновое кольцо за спиной милиционера. Мотоцикл развернулся. Замер, будто прислушиваясь к стуку мотора, и вдруг ракетой сорвался с места. Ветер ударил Кате в лицо.

Куда это их везут? Может, тётя Поля пожаловалась, что стекло в теплице разбили? Нет, наверное, не увидеть ей сегодня маму. «Мама, мамочка! Ой, что со мною будет?!»

«У-у-у!» — выл ветер, обжигая лицо, леденя ресницы. Катя натянула платок на лоб. Стало чуточку теплее.

— Кать, тебе ловко? — спросил Лёша, наклоняясь к ней.

— Ничего.

— Ты, Кать, не бойся. Это наш уполномоченный Иван Андреевич.

— А я не боюсь. Мне теперь всё одно.

— погоди, я его сейчас спрошу, куда он нас везёт.

Стараясь осилить бьющий в лицо ветер, Лёша крикнул:

— Иван Андреевич, мы в Козлово, да?

Милиционер обернулся. Хотел что-то сказать, но свет встречной машины резанул по глазам. Рядом прогрохотал цепями, обмотанными вокруг колёс, огромный самосвал. Иван Андреевич махнул рукой: мол, не приставайте!

Трах-тах-тах-тах! — ещё сердитее затарахтел мотоцикл.

Ветер сильнее прижал Катю к спинке сиденья. Она поглядела на Лёшу: как ему-то?

— Во даёт! — прокричал Лёша. — Километров... восемьдесят...

— Сколько?

— Сто!

Мотоцикл сбавил ход и повернул на просёлочную дорогу. Стало здорово трясти. У Кати закружилась голова. Хотелось крикнуть: «Хватит. Я пойду пешком». Но вдали показались огни деревни.

— Это Свитино, — услышала она голос Лёши.

Не доезжая деревни, мотоцикл вздрогнул и замер.

— Слезай, — сказал милиционер Лёше. — Отсюда пешком дойдёшь, а нам надо в Решетниково.

Лёша помедлил и отпустил резиновое кольцо.

«А я как же?» — подумала Катя, и реснички её быстро-быстро заморгали.

— Ну, я пошёл, Кать.

Катя стала подниматься, чтобы уйти вместе.

— Не, ты не бойся, Кать, — сказал Лёша. — Тебя Иван Андреевич до места доставит. Правда, Иван Андреевич?

— Ишь командир какой! До места? А где это место, ты знаешь? Нет? Ну и помалкивай.

— Я помалкиваю.

Лёша потоптался, а потом спросил:

— Иван Андреевич, а вы знаете про воров, которые украли со склада?

— Я-то знаю, а вот вы-то, говорят, недоглядели.

— Что, уже нашли, да?

— Ты начальник, чтоб тебе докладывать? Поторапливайся до дому, бабушка уж давно ждёт. А с тобой мы ещё встретимся.

Мотоцикл сердито рыкнул: ток-кр-оо!

— Лёша! — позвала Катя. — А вдруг что со мной будет?

— Вот дурёха-то. Не бойся — не съест.

— Я не боюсь. Я только чуточку.

Трок-то-то-то-к-ток! — застучал мотор.

Лёша что-то ещё сказал, даже крикнул, но Катя не слышала.

Мотоцикл сорвался с места, понёсся по дороге. На повороте Катя оглянулась. Лёши не было. И деревья остались в стороне. И только ещё светились огоньки, а потом их тоже не стало.

Они мчались через поле, тёмное, безлюдное, неприютное. Кате хотелось вылезти из неудобной трясучей коляски. Ей хотелось опять увидеть тёплые огни деревни. Ей хотелось в избу, на печку. Очень хотелось попасть сразу домой.

«Куда меня везут? Зачем?» — думала Катя. Она наклонила голову. И даже на лицо напустила платок, чтоб не глядеть по сторонам.

— Я не боюсь! Не боюсь, — шептала Катя.

«У-у-у!» — выл ветер.

«Нет, всё-таки я очень боюсь. Я ужасная трусиха, — подумала Катя. — И ещё я не люблю ездить на мотоцикле. А вот Лёша? Он не боится. И ему на мотоцикле нравится».

— «Не бойся — не съест», — громко повторила Катя Лёшины слова. И от этих простых слов ей сразу стало покойнее.

Лёша храбрый, и она тоже станет храброй. Она не будет бояться. Пусть её везут куда хотят. Ничего она такого не сделала, не сделала, не сделала. Она не испугается. Нет, не испугается.

Катя вздохнула полной грудью, глотнула морозный воздух; ничего, ей теперь лучше, даже теплее. Мотоцикл мчался через лес.

Безглазая ночь подходила к самой дороге. Узкая полоска света из мотоциклетной фары, вздрагивая, бесстрашно летела в самую гущину ночи.

ТРУДНАЯ ЗАДАЧА

Катя с любопытством огляделась. У правой стены стояли две кровати: одна большая, другая маленькая с сеткой. На маленькой кровати откинулось одеяло. Девочка приподнялась с подушки, глянула сонно на Катю и тут же снова упала на подушку. Повернулась к стенке, натянула одеяло и, точно мышонок, скрылась в домике — больше не показывалась.

На стене, рядом с маленькой кроватью, висел коврик. С коврика глядели на Катю мишка, козёл с огромными рогами, осёл и маленькая мартышка со скрипочкой. Катя вспомнила:

Проказница Мартышка,
Осёл,
Козёл
Да косолапый Мишка
Затеяли сыграть Квартет...

И сразу стало Кате хорошо и радостно, будто встрети-
лась со старыми знакомыми.

У левой стены стояли шкаф с большим зеркалом и стол, покрытый скатертью. А на столе — чёрный телефон. Только телефон был будто чужим среди этих домашних вещей.

«Куда ж меня завезли?» — подумала Катя.

Иван Андреевич снял китель, надел туфли, старенький пиджак и стал похож не на милиционера, а просто на дяденьку.

— Ну, Катерина, беглая душа, отдыхай пока у меня.

Вот, оказывается, куда Катя попала — к Ивану Андреевичу в гости. Значит, вот как милиционеры живут!

Вошла высокая полная женщина. И ничуть не удивилась, увидев незнакомую девочку. Улыбнулась ей, будто давно ждала её:

— Как тебя зовут?

— Катя.

— А меня Александра Васильевна. Ты к столу садись. Будем вместе ужинать. Есть хочешь, да?

— Нет, я сытая. Мы с Лёшей хлеба с салом поели.

Тётя Саша ничего не сказала. Но как-то само получилось, что Катя и за стол села, а как только на столе задымилась две полных тарелки с варениками, так она первая с ложкой потянулась.

— Вкусно-то как! — вырвалось у девочки.

— А ты говоришь «хлеб с салом», — засмеялась тётя Саша. — Это наши украинские вареники. Разве у вас так делают, как у нас на Волини!

И тётя Саша поглядела на дядю Ивана, а тот молчал, только улыбался. Наверно, у них между собой давно спор идёт: где лучше готовят — здесь или на Волини.

Катя почувствовала на языке приятный холодок. Какой-то знакомый запах разлился по всей комнате.

— Душисто, — сказала Катя.

— Это я мяты добавила. Вкусно ведь, правда? И для здоровья полезно.

Катя ела лёгкие, таявшие во рту вареники, и сразу ей вспомнилось...

Давно-давно, когда она ещё была совсем маленькой, такой, как та девочка, что спит, спрятавшись под одеялом, Катя тоже так лежала в кроватке. Катя не спала. Она болела тогда. Ей было очень жарко. Кате хотелось сбросить одеяло, а мама держала её за руку, приговаривала:

— Дома кум воробей?

— Дома.

— Что он делает?

— Болен лежит.

— Что у него болит?

— Пяточки.

— Ступай, кума, в огород,

Нарви травы-мяточки,

Попарь ему пяточки.

— Парила, кумушка,

Парила, голубушка.

Его пар не берёт,

Только жару придаёт.

«А пускай он теперь здоровый будет, пускай здоровый», — просила тогда Катя. И мама опять начинала:

- Дома кум воробей?
- Нет его.
- А где же он?
- Гулять пошёл.
- Попарил себе пяточки,
- Вот и выздоровел.

Кате было очень приятно, что воробей уж не болен и не лежит в кровати, а прыгает на улице, чирикает, весёлый.

Вспомнила Катя про траву-мяточку, и совсем ей стало хорошо. Будто когда-то раньше она бывала в этой комнате, сидела за столом с дядей Иваном и тётей Сашей и так же душисто пахло травой-мяточкой.

— Дядя Ваня, — расхрабрилась Катя, — а вы поймали воров-то?

— Это каких же?

— А которые железо и стекло украли.

Дядя Ваня вытащил из кармана галифе сложенную треугольником бумажку, расправил её на столе и прочёл:

Дорогой председатель Иван Денисович! Пишет вам неизвестный человек Иван. Он примчался к вам в колхоз «Красный боец» на быстроходном реактивном самолёте. А примчался потому, что у вас в колхозе произошёл один случай. Знаете, где у вас лежат сто пятьдесят листов железа и три ящика стекла? Нет, не знаете. А вы пойдите в сарай, где раньше хранили картошку, и поглядите. Может, там в сене что-то спрятано!!

С большим приветом. Неизвестный человек Иван.

Милиционер аккуратно сложил письмо, сказал:

— Мы с Иван Денисовичем заходили в сарай, да только там... сено. И больше ничего. — Он поглядел на Катю. — А ты, случайно, не знаешь, кто этот неизвестный мой тёзка, что письмо написал? Не встречала его?

Катя опустила голову, подумала: «Вот и письмо они, выходит, зря писали».

Дядя Ваня улыбнулся.

— Хотел я сказать одному неизвестному человеку спасибо, и Лёше Миронову, и всем ребятам. Молодцы!

Катя торопливо зашептала:

— Мы знаем. Это Федька украл. Он такой, он прямо зверь.

— Федька? Тут не только Федька, тут ещё кое-кто руку приложил.

— Значит, вы поймали?

— Ещё не всех. Да разве от меня они уйдут! Я, Катенька, любое дело зажмурю.

Катя засмеялась.

— Ой! Как это вы хорошо сказали — «зажмурю». Дядя Ваня, а вы Федьку не боитесь?

— Чего его, пьяницу, бояться, он сам меня боится.

— А вы его зажмурите?

— Теперь уж обязательно.

— Как здорово! А если с Федькой ещё бандиты будут, не испугаетесь?

— Нет, Катенька, не испугаюсь.

— И мы с Лёшей тоже больше никого не боимся.

Катя совсем расхрабрилась, подошла к стенке, где висели в три ряда фотографии.

— Дядя Ваня, а кто это? Это вы такой раньше толстый были? — И Катя показала пальцем на фотографию в коричневой рамке.

На фотографии в большом кожаном кресле сидел милиционер. Лицо у него было весёлое, с широкой улыбкой.

— Это мой старший брат.

— А он тоже с вами живёт?

— Нет, Катенька, он не живёт. Его убили.

— Убили? Как убили?

— Бандиты убили, на Севере, в Хибинах. — И дядя Ваня назвал город, где работал его старший брат.

«Хибины? Что-то очень знакомое». И сразу Катя вспом-

нила: ведь у шофёра в сказке были Хибинские горы, Хибинские леса.

— Дядя Ваня, — тихо попросила Катя, — расскажите про этот город на Хибинах.

— Я мало его знаю, Катя. Был только три дня на похоронах брата. Город хороший, весь в лесу. А рядом две горы, по-местному «вараки» называются. Город чистый, просторный. А когда хоронили брата, то много народу шло. Провожали рабочие с рудника да с каменоломен. Брат строил этот город. Когда он приехал, было всего несколько деревянных домиков. У крыльца олений мох — ягель. Потом стали добывать железную руду и белый камень — и вырос город. Говорят, кругом там богатств — на тысячу лет хватит.

— А что это за белый камень? Вы его видели, дядя Вань?

— Показывали мне. Сверху он будто белый, а приглядишься — весь розовым светится. Если бы из этого камня города строили, то не было бы краше городов на свете... Похоронили брата на кладбище, среди соснового леса. Хорошо хоронили. Играл оркестр. Дали салют из ружей. Как солдата проводили в последнюю дорогу.

«И отчего так получается, — думала Катя, — жил хороший человек, а его убили?»

Катя посмотрела на фотографию. Всё так же в кресле сидел и улыбался широколицый милиционер.

«Может, пока он так сидел в кресле, сзади подкрался бандит и — трах! — убил. И зачем только бандиты живут на свете? Лучше бы их совсем не было!»

Катя больше ни о чём не спрашивала. Мысли у неё сделались тяжёлыми. Ей очень захотелось спать. А сказать об этом не решалась.

Катя подошла к другому столику, с лампой-грибом. За столом сидела тётя Саша, а перед ней две стопки тетрадок. Тётя Саша быстро перелистывала тетради, что-то подчёркивала. «Учительница», — догадалась Катя.

— Можно, я посмотрю? — попросила Катя.

— Только не мешай их, здесь лежат непроверенные. — Тётя Саша кивнула на большую стопку.

Катя взяла наугад. И вдруг сон слетел, точно его сдунули.

На фотографии в большом кожаном кресле сидел милиционер.

На обложке чётким почерком было написано: «Алексей Миронов». Это была тетрадь контрольных работ по арифметике. Катя открыла последнюю исписанную страничку. Посмотрела задачу. «Правильно решена или нет? Без условий не узнаешь. А вот чуть ниже примеры: 508×69 ». В конце многозначного ответа у Лёши стояла цифра «3». Катя знала, что этого не могло получиться. Но она вдруг от волнения забыла таблицу на «9» и быстро зашептала: «Девятью три — двадцать семь, девятью четыре...»

— Ты лучше вот какую мне задачу реши...

Катя подняла голову. Рядом стоял дядя Иван.

— Это очень трудная задача, — сказал он. — Решишь?

— Не знаю.

— Ну вот, слушай внимательно. Из деревни А за двести двадцать километров к своей маме в город Б отправилась пешком девочка с портфелем.

— Ну, положим, портфель к условию задачи не имеет отношения, — вмешалась тётя Саша.

— Как так — не имеет? Очень даже к делу касается. Видишь ли, эта девочка всем говорила, что она идёт не к маме в город за двести двадцать километров, а к родственникам в деревню К. Вот и выходит, что портфель был нужен для отвода глаз.

Катя покраснела. А дядя Иван, будто даже на неё не глядел, будто ничего не заметил, продолжал:

— И в то же время её мама из города Б поехала...

Дверь комнаты распахнулась. На пороге стояла женщина в рыжей ушанке. Щёки её горели от мороза, а расстёгнутая телогрейка, казалось, ещё вздрагивала под ударами ветра.

— Ах, вот кого я должна везти! — Женщина улыбнулась Кате. — Собирайся живо, беглянка.

ОПЯТЬ ВМЕСТЕ

Машина мчалась по шоссе. Кате был уже привычен ровный гул мотора. Тётя Фая — так звали шофёра — рассказала Кате, что она везёт её обратно в деревню к бабушке. Сам

председатель Иван Денисович распорядился. Звонили в правление колхоза. Беспокоились — пропала, мол, девочка. А где Катина мама сейчас, тётя Фая не знала.

Под ровный гул мотора Катя задремала. «Деревья стоят белые, в снегу, а внизу лето — травка зелёная, цветы. Чудно», — думала Катя. Она уже не ехала на машине, а шла с Виктюшей за ягодами.

«Поспешай, — звала Виктюша. — За оврагом кружовинка».

Катя знала про это ягодное место. Перебрались девочки через овраг. И замерли. Вся поляна — в красных ягодах. Вдруг услышали топот сотен ног. Катя оглянулась. Идут люди. Их много. Катя видит знакомые лица. Ну конечно: вон Лёша, Валя, Толюн.

«Куда ты, Лёша?» — спрашивает Катя.

«Идём строить новый город из белого камня».

«Я тоже с вами!» — кричит Катя. Но у неё развязался шнурок на ботинке. Катя торопится. А руки её не слушаются. Она чувствует — кто-то стоит сзади. Оглядывается. Никого.

А люди уже прошли. Их не видно. Вдруг на поляну падает чёрная тень. Тень всё растёт, растёт... Катя знает, чья это тень. Она кричит:

«Уходи отсюда, Федька! Ты пьяница и вор!»

«А-а! — рычит Федька. — Худо! Будет ещё хуже!»

«Сейчас мы его зажмурим», — слышит Катя голос милиционера дяди Ивана.

«Скорее, скорее его зажмурьте, дядя Иван», — просит Катя.

Катя сама крепко-крепко зажмурилась и открыла глаза... Ничего не поймёт. Она сидит в комнате, а рядом — её мама.

— Я сплю, да? — спрашивает Катя.

— Ты спала, доченька. Вынесли тебя на руках, а ты даже не проснулась. Раздевайся скорее.

Катя оглянулась. Стол накрыт по-праздничному белой скатертью. На столе — полная тарелка оранжевых мандаринов.

«Мама привезла», — догадалась Катя.

— Мама! Ой, мама!
— Доченька моя родная!
— Я соскучилась без тебя.
— А ведь и я как! Думаю, поеду к дочери. Как там она живёт? Приехала, а дочки нет. Спасибо, твоя подружка Виктюша рассказала, а то и не знала бы, что делать, — пропала девочка.

— Мы тут все с ума посходили, — проворчала бабушка. — А она, пожалуйста. Собралась и отправилась!

— Ой, мама, кого я повстречала! Я в Козлове у Мироновых жила. Там есть такой мальчишка — Лёша...

— Ладно, дочка, завтра расскажешь. Ложись скорее спать.

— Мамочка, а мы с Лёшей видели лосиху и лосёнка. Мы шли лесом, и было темно-темно.

— Завтра, дочка, завтра расскажешь.

— Принеси-ка матери помидорчиков, — сказала бабушка, — а то она с утра толком и не поела.

Вдруг Катя вспомнила. Подбежала к своему пальто и вытащила из кармана зелёный огурец.

— Сорт клинский, — сказала Катя и положила огурец на стол, рядом с мандаринами.

— Откуда это? — удивилась мама.

— Оттуда. — Катя махнула рукой в сторону дороги.

Да, из дальних далей, где прячется под снегом тысяча солнц, — вот откуда принесла Катя этот маленький зелёный огурец. Но она больше ничего не сказала, а взяла тарелку и вышла в сени. В сенях Катя чуть задержалась. Из закута слышалось, как спокойно жевала корова, как она тяжело и шумно вздыхала. Ох, глупая корова, не знаешь, не догадываешься, что сегодня было и кто к нам приехал! А может, всё это ещё сон? Может, приснилось: и мама, и дом?

Катя набрала из бочки в чулане помидоров, вошла в комнату. И здесь остро почувствовала, как запах деревенских пирогов смешался с городским запахом, запахом мандаринов, маминого платья. И окончательно поверила: нет, она не спит. Приехала из города мама!

И снова в глазах у Кати закололо, веки начали слипаться, сделались тяжёлыми. Она быстро разделась, легла в постель.

И, когда уж совсем собралась заснуть, вдруг зашуршало под подушкой. Открыла глаза. Нашупала – тетрадка. «Алексей Миронов. Для контрольных работ по арифметике», – прочитала Катя. «Как же это я её взяла? Ох, что ж теперь будет? Что будет?» – подумала Катя. Но мысли её сделались тяжёлыми, тягучими. Бабушка гроыхнула в кухне чугуном, что-то спросила у мамы.

Больше Катя ничего не слышала. Она крепко спала.

ТОЛЮН УХОДИТ ИЗ ДОМА

С БОЛЬШИМИ НЕ ДОГОВОРИШЬСЯ

Толюн проснулся от того, что услышал, как пели кузне-
чики:

Эй, ля-ля!
Эгей, ля-ля-ля!
Хватит тебе спать.
По небу плывёт лодка.
Иди и посмотри,
Иди и посмотри.
Эгей, ля-ля-а-а!

Толюн открывает глаза и видит, что Анюта уже уходит в школу. И сразу забывает о кузнечиках и лодках. Он смотрит, как Анюта кладёт в портфель книги и тетради, лезет в пещку за горшком с картошкой.

— Анюта, Анют, — затыгивает он, собираясь плакать.

— Чего тебе? — спрашивает сестра, будто не догадывается.

— Возьми, Анюта-а-а, — громче тянет Толюн.

— Отстань, настырный! Не пустят тебя.

Анюта торопится. Она облупливает горячие картофелины, обжигается, дует на пальцы.

От картошки идёт вкусный дух, и Толюн замолкает. И даже начинает шевелить губами, будто дует на горячую картошку.

А сестра пробивает ложкой коричневую пенку на молоке, наливает молоко в большую чашку с синим ободком да красными ягодами земляники по бокам. Пока Анюта пьёт, Толюн придумывает хитрые слова.

— Анют! Анюта! Слышь... Я твой портфель понесу. Как до школы дойдём, домой вернусь. — А сам думает: «Пусть только доведёт до школы, там уж как-нибудь останусь».

Сестра не отвечает. Она отламывает большой ломоть хлеба, Толюн смотрит, как быстро исчезает ломоть. Хлеб мягкий, тёплый — так и дышит. Такой называют дыхалкой.

— Тебе портфель нельзя нести, — говорит Анюта, страхилая крошки. — Ты же маленький да рыженький.

— Ну и что же, что маленький да рыженький...

— А то, что тебя ворона склюнет, — говорит Анюта. — Подумает, будто идёт грибок-рыжик, и склюнет.

— А я шапочкой прикроюсь, — отвечает Толюн.

— Ветром шапочку сорвёт.

— Верёвочкой подвяжу.

— Верёвочка оборвётся.

— А я две подвяжу.

Но Анюта уже вспомнила, что ей пора.

— Из-за тебя опаздываю, — сердится Анюта. — Ишь пристал, настырный. Вот я тебя верёвкой отлуплю, будешь знать. Не балуйся тут.

Она накидывает платок и, схватив портфель, выбегает на улицу. Толюн прислушивается: с улицы несутся голоса ребят. Все они идут в школу. А он остаётся дома.

ПОМИДОРЫ — ЛЯГУШКИ

Отец с матерью на работе, Анята в школе, а соседка — бабушка Кланы, ещё не приходила: у неё и своих дел немало, не то что за Толюном приглядывать. Остался Толюн один дома.

Лежит Толюн на кровати и видит: по краю печки под самым потолком расселись зелёные помидоры.

«Расселись, — подумал Толюн. — Сидят себе, как куры на заборе. Сейчас я вас шугану».

— Кыш!

Он соскочил с кровати, забрался на лежанку, чуть провёл рукой по лежанке, а помидоры сами: прыг вниз, прыг... прыг... прыг! Хлопаются помидоры, разбрызгивая зелёные капли: блям! блям! блям!...

— Да вы не куры. Вы лягушки! — кричит Толюн. — Чего распрыгались? — И добавляет сердитым Анятиным голосом: — Вот настырные! Я вам покажу, как баловаться. А ну, обратно!

Скоро на печке остался всего один-единственный помидор. Он был самый маленький, но с одного боку совсем красный.

— А ты чего, рыженький, не прыгаешь? — спросил Толюн.

Помидор молчал. Посмотрел Толюн вверх, посмотрел вниз и подумал: «Эх, теперь мне обязательно влетит и от мамы, и от Аняты, и от бабушки Кланы. Маленьким-то плохо быть, — маленького все обижают».

— Я тебя не трону. Живи себе безопасно. Отдыхай, — сказал Толюн рыжему помидору и слез с лежанки.

Он взял веник.

— А вас сейчас всех разгоню! — крикнул он и замахнулся. — Залезайте на печку!

А помидоры и не хотят слушаться. Катятся под кровать.

А тут ещё этот Цыганок, чёрный щенок с белым пятнышком на лбу, прыгает, суетится, хватается веник зубами. Думает, что Толюн с ним играет.

— Уйди, непутёвый! — кричит Толюн Анютиным голосом.

А щенок разыгрался, хвостом виляет, смотрит на Толюна весёлыми глазами. Ну что делать: то ли с ним играть, то ли комнату подмести?

Думал-думал Толюн и придумал. Из нижнего ящика комода достал моток верёвки, отрезал ножницами верёвочку и подозвал к себе щенка.

— Сейчас ты у меня поработаешь, — сказал Толюн, прилаживая веник к хвосту Цыганка: пусть теперь хвостом комнату подметёт.

Щенок вырвался из рук Толюна. Побежал, волоча за собой веник, и спрятался под кровать. Толюн лёг на пол и ласковым голосом позвал:

— Цыганочек, хороший, поди сюда!

Подождал Толюн немножко и сам под кровать полез. Да только веник в руке остался. Убежал щенок.

Тут вошла в комнату бабушка Клania, руками всплеснула:

— Что ж это делается, а?! Ты что ж натворил, озорник?!

— Бабушка! А, бабушка! — захныкал под кроватью Толюн. — Ты не ругайся. Я уберу. Только они, как лягушки, скачут.

— Какие ещё лягушки? — ахнула бабушка. — Каких ты ещё лягушек понатаскал?

— Да не лягушки, а помидоры. Они сами с печки прыгнули.

ПТИЦА С РАЗНОЦВЕТНЫМИ КРЫЛЬЯМИ

Пришла Анюта из школы. А с неё вода в три ручья. Это у самой деревни захватил её дождик — да сильнющий, да с ветром. Сняла Анюта платок, скинула платье — всё повесила сушить.

Хорошо, бабушка Клania печку истопила. Тепло в избе. Надела Анюта старое своё платьице, что на печке согрелось,

стало ей весело. А отчего весело, сама не знает. Даже при-
топывать босыми ногами стала и подпевать:

Гулюшка ты, гулюшка,
Мой хороший голубок,
Мой сизенький воркунок!
Эй-да! Эй-да!
Эй, ля-ля!
Эй-да! Эй-да!
Эй, ля-ля!

Толюн смотрел-смотрел на сестру и говорит:

— Дура! Хоть пятки пожалей.

Засмеялась Анюта, обняла Толюна и вдруг — хлоп по за-
тылку! Ещё раз поцеловала и хлопнула. Вырвался Толюн
и закричал:

— Если погреться захотела, на печку лезь. А зачем де-
рёшься?

И отвернулся от сестры — смотреть на неё не может.

— Толюнчик! — позвала Анюта. — Хочешь, книжку почи-
таем?

Толюн молчит.

— Эх ты, гулюшка!

Толюн опять ни слова.

— Ну, кто быстрее на печку влезет! — крикнула сестра.

Они бросились к печке, толкая друг друга. И сразу тёплая
овчина приняла их, пригрела.

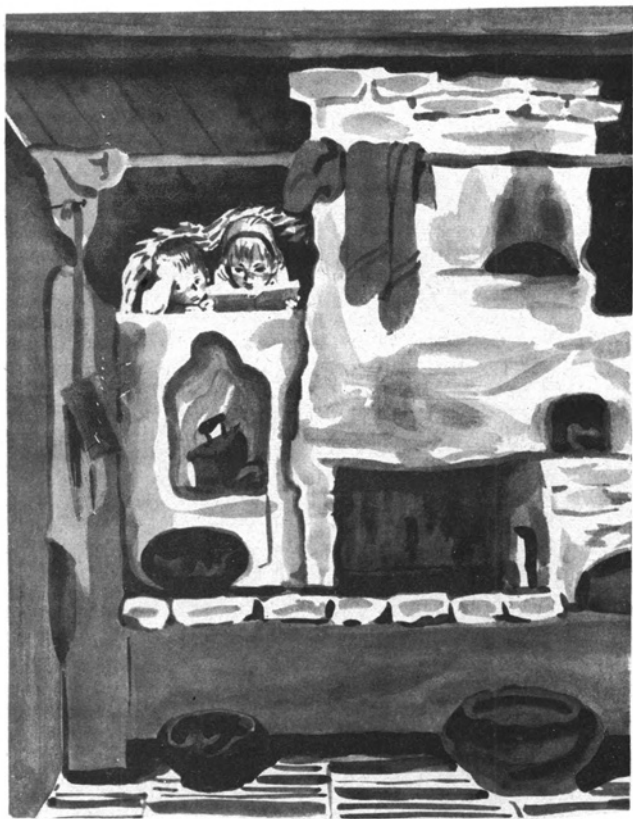
— А вот отгадай загадку, — страшным голосом говорит
Анюта. — Живёт на свете птица. Не простая, а удивительная.
У этой птицы четыре большущих крыла да длинный хвост,
а в хвосте двенадцать перьев, каждое перо и беленькое и
чёрненькое. Какая это птица, а? Отгадаешь — пойдёшь в шко-
лу. Не отгадаешь — никогда не пойдёшь.

— А у птицы четыре крыла? — переспрашивает Толюн.

— Четыре.

— Уродка, — говорит Толюн. — Эта птица — уродка.

— Сам ты «уродка». Это четыре времени года, — смеётся
Анюта. — Зима, весна, лето и осень. А в хвосте двенадцать

— А вот отгадай загадку, — страшным голосом говорит Анята.

перьев — значит двенадцать месяцев. А чёрненькое и беленькое — это ночь и день.

— А зачем четыре крыла? — не унимается Толюн. — Чтоб быстрее летать, да?

— Эх ты! «Зачем, зачем»! Будешь учиться в школе — все узнаёшь. Только теперь уж тебя не пустят.

Толюн недовольно сопит.

— А я увижу такую птицу. Найду её.

— Какую?

— Уродку — вот какую. Только все крылья у неё разноцветные: жёлтые, зелёные, красные, синие. Как махнёт крыльями, так и солнышко взойдёт...

— Врёшь ты всё, — бормочет Анюта и зевает.

ОТТАЯВШИЕ БУКВЫ

Анюта задремала. Повернулась на бок и уснула. Некоторое время Толюн лежал тихо, не шевелился, но спать ему не хотелось. Вытащил из-под подушки книжку с картинками. И стал водить пальцем по строчкам, будто читал.

Некоторые буквы Толюн знает. Вот похожая на месяц буква «С». Значит, уже темно — месяц на небо поднялся. В деревне огонь погасили. И только один мальчик не спит. Вышел из домика, на месяц смотрит. А вот буква «А». Рядом с мальчиком домик — буква «Д». Стал Толюн подгонять букву к букве и получилось удивительное: С... А... Д... Верно — и на картинке нарисованы зелёные деревья, а на деревьях красные круглые яблоки — сад. Старичок в шляпе, борода клинышком, ходит по саду, среди деревьев, смотрит, чтоб никто не забрался, чтоб ребята яблони не ломали.

«Дедушка, я к тебе приду», — шепчет Толюн.

А дедушка тоже тихонечко отвечает:

«Приходи, парень, я тебе яблок дам».

«Дай побольше. Я и Анюте принесу».

«Ну что ж, приходи. Наложу полную сумку. Яблоки у нас вкусные».

— Сад... Сад... Сад... — читает Толюн.

Потом надоело, вытащил из-под подушки Анютину тетрадь. А в тетради тоже буквы — только какие-то вихлястые, пьяные. Чего хотят? О чём рассказывают? Не понять.

Толюн вынул из кармана огрызок карандаша. Хорошенько послуныявил кончик и начал рисовать. Прямо на строчках в тетради нарисовал лодку. А в лодку сел человечек с большим ружьём. И позвал собаку. Собака прыгнула в лодку... Лодка закачалась...

И вдруг Толюн вспомнил, как его утром кузнечики разбудили:

Эй, ля-ля!
Эгей, ля-ля!
Хватит тебе спать,
По небу плывёт лодка...

Толюн засмеялся и ещё вокруг лодки нарисовал облака, а внизу — маленькие домики, а за домиками — лес и речку. Завтра учитель посмотрит в Анютину тетрадь и спросит: «Ты сама так красиво нарисовала?» Анюта скажет: «Нет! Это мой брат Толюн». А учитель скажет: «Ну ладно. Пускай приходит к нам». — «Нет, он ещё маленький, — скажет Анюта. — Он рыженький». — «Какой же маленький, когда так хорошо рисует. А рыженьких мы тоже берём».

Я БЫ ТАК НЕ СДЕЛАЛ

Всё утро Толюн провёл у бабушки Клани. Вместе они грибы разбирали: которые сушить, которые в бочке солить. Из большой плетёнки Толюн вытаскивал гриб и, высоко подняв его, кричал:

— А этот, бабушка, куда?

— Клади на стол, — говорила она, взглянув на тёмно-коричневую шляпку. — Видишь, какой красавец. Это гриб боровик — всем грибам начальник.

— Я его сразу признал, — радовался Толюн. — Вон у него листочек на голове, а у других нет.

К шляпке боровика прилип маленький жёлтый листик.

— Ты под листочек загляни, — говорила бабушка. — Видишь, какой крепенький. — Отрезала шляпку да ещё приговаривала: — Молодец, боровичок-крепышок, совсем не червивый.

А Толюн снова лез в корзину:

— А вот ещё боровик, снова начальник!

— Ох, какое тебе грибное счастье, — похваливала бабушка Клania.

— А это вот, смотри, самый главный боровик попался. — Толюн показал огромный гриб с плоской шляпкой.

— Нет. Это не боровик, а груздь. Посолим мы грузди вместе с чернушками. Придётся зимой, дам тебе грибов с картошкой, слюнки-то потекут.

— Бабушка, а есть ведь грибы горькие-горькие?

— Есть и поганые.

— Отчего это?

— Так уж.

— Нет, бабушка, ты расскажи.

Толюн придвинулся поближе, приготовился.

— Ладно, слушай. Когда-то давно, — начала бабушка, — все грибы были одинаковые. Ну, как родные братья — дружно жили. Ну, бывало, конечно, поругаются, да скоро помиряются.

— И мы с Анютой ругаемся, — сказал Толюн.

— Видишь как, — подхватила бабушка Клania, — и грибочки тоже. А в одно лето вот что у них получилось. После дождика как-то пошли грибочки погулять. Идут дружно, хорошо, между собой тихонечко разговаривают. Вышли на полянку. Глядят. Ой что за красота! Солнышко светит, тепло. Один грибочек говорит: «Вот что, братья. У меня шапка красная. Я на этот бугорок зайду, поближе к солнышку, мне почётнее тут стоять». А другой говорит: «Нет, брат, у меня шапка тоже неплоха. И мне охота к солнышку поближе». Заспорили. Какие половчее — на пенёк забрались. А какие и рукава засучивать: сейчас вам покажем — враз шапки-то посшибаем. А какие говорят: «Пойдём к Лесовику жаловаться — и всё тут».

Ну, спорили, спорили — и отправились. Зашли в самую чащобу. Место там глухое. Тихое. Уже темно. Луна засвети-

лась. Птица филин заухала, да слышать ещё ручеек журкает. Лежит поперёк ручья серый дуб. А под дубом куревко воскурилось. Ну грибочки шуметь: «Дедушка Лесовик! А, дедушка Лесовик!» — «Чего вам? Чего?!» Вылез из дупла сам старичок Лесовичок. А один гриб в красной-то шапке вышел вперёд и важно говорит: «Так, мол, и так. Не хотим рядом с братьями жить». И другие ему поддакивают: «Не хотим! Мы грибы видные, нам и к солнцу ближе стоять». Стал Лесовик их уговаривать: «Дело житейское. Поссорились-помирились». Те опять за своё: «Не хотим!» — «Да ну вас! — говорит Лесовик. — Пускай тогда ваша обида ядом обратится. Да в шапках своих поганых навсегда оставайтесь, чтоб каждый вас видел. И сторонкой обходил злых таких».

Бабушка замолчала.

— Что дальше-то, бабушка? Обходят их?

— Конечно. Дурных грибов ни люди, ни звери, ни даже мошки не трогают. А вот дедушка Лесовик как-то шёл да и взял в рот горький гриб. «Фу ты, говорит, поганка!» Плюнул да и рукавом утёрся. Вот как он грибков поел, — засмеялась бабушка. — Плохо старикам. Видят худо.

— Бабушка! — закричал Толюн. — А вот поганый гриб, — и вытащил из корзины грибок с красной шапкой. — Посмотри, бабушка!

— Чего? Нет, это красик, красный гриб. Про него и загадка есть: маленький, удаленький сквозь землю прошёл, красну шапочку нашёл. Это хороший, клади его на стол.

— Лучше бы, бабушка, — сказал Толюн, — все грибы были одинаковые, все хорошие да жили в дружбе.

— Это конечно, — согласилась бабушка. — Ты-то у нас разумник. А Лесовик — дедушка старенький. Вот он и оплошал.

— А где он теперь?

— Кто это?

— А дедушка Лесовик? И теперь в лесу живёт?

— Конечно. Куда ж ему деться.

— Я к нему пойду.

— Чего? Куда пойдёшь? Ты это что надумал?! — закричала бабушка Кланы. — Ты не смей! Не смей и думать. В лесу темно. Заблудишься. Ишь!

О Б И Д А

Вернулся Толюн от бабушки Клани, а Анюта уже дома — из школы пришла.

— А мы с бабушкой Кланей грибы разбирали. Я двадцать боровиков вытащил.

Анюта ничего не сказала, будто не слышала. Она даже не взглянула на брата, домыла сковородку и на место поставила.

— Анюта, а я загадку знаю. — И Толюн запел: —

Маленький, удаленький
Сквозь землю прошёл,
Красну шапочку нашёл!.. Кто такой?

Анюта опять не ответила. Прикрыла чугунок крышкой. Взялась за веник, решила в комнате прибраться. Толюн дёрнул её за платье и сказал:

— Это красик. Грибочек красный такой. И все грибочки у бабушки хорошие, все крепкие, червивых и нет совсем. Бабушка Клания говорит — она таких сроду не видывала.

Повернулась Анюта к брату, посмотрела сердито, как на чужого.

— Отстань!

— А я под груздь забрался, — не унимался Толюн. — А бабушка Клания меня искала. И за печку заглянула, под кровать. — Толюн засмеялся.

— Я бы тебя быстро отыскала, пакостника! Зачем мне в тетради накалякал?

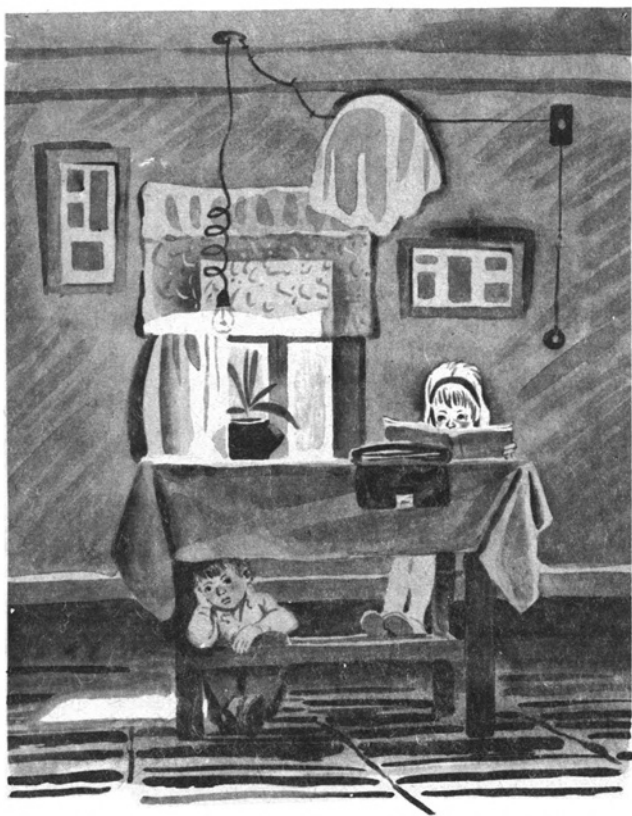
— Я не калякал, — сказал Толюн и стал объяснять, что нарисовал лодку, как она по небу плывёт, а в лодке охотник с собакой.

Толюн думал — Анюта обрадуется, а сестра схватила его за рыжие вихры и начала трепать.

— Вот тебе за лодку! Вот тебе по небу! Всё бы тебе портить! Ведь такой козявистый!

— И нет. Не-е-ет! — закричал Толюн.

— Самая ты есть букашка вредная. А кто помидоры по всей комнате раскидал? Думаешь, я не знаю?

Анюта отпустила его голову, и Толюн залез под стол...

— Я... я не раскидывал. Не раскидывал! Не раскидывал! — кричал Толюн.

Анюта отпустила его голову, и Толюн залез под стол, но оттуда тоже кричал:

— Не раскидывал!

— А ну вылезай! — сказала Анюта. — Кому говорят?

— Я не козя-вис-тый! — кричал Толюн из-под стола. — Не козявистый — и всё!

И заплакал.

ИЗ ТЁПЛОГО ДОМА — НА УЛИЦУ

На следующее утро Толюн проснулся рано. Мать и отец только на работу ушли, а сестра ещё спала. Посмотрел Толюн на окна. За окнами — серый туман, свет не пропускает.

Толюн свесил с кровати ноги. Вспомнил, как Анюта его за волосы таскала, и захотелось ему стать большим — не потом, через несколько лет, а сразу: был маленький, а встал — большой.

Слез Толюн с кровати, оделся, снял с гвоздя своё пальтишко, сунул ноги в ботинки и вышел из тёплой комнаты.

За их домом сразу начинался бугор, поросший травой. На бугре паслись две козы: одна старая — Груня, другая помоложе — Маня. Посмотрели козы, как взбирался Толюн, ничего не сказали, только помотали бородами и опять принялись щипать траву. А Толюн уж на бугор взобрался и стал оглядываться. С бугра видно речку, а у речки старая мельница. Толюн спустился вниз, обошёл мельницу и постоял возле неё, задрал голову вверх. Мельница давно уже не работала. Кое-где доски подгнили, отвалились, и сквозь дыры гляделось серое небо.

«Надо бы починить, она бы заработала, завертела крыльями», — подумал Толюн и зашагал дальше.

Дорога пробиралась через скошенный луг и поднималась к чёрному, вспаханному полю. Вот бы спросили Толюна, зачем и куда он идёт, а он и не знает. Идёт и идёт. Уж так устроена дорога, — только на неё вступишь, как она поведёт человека вдаль.

На дороге ёлочкой лежат следы от машин. Толюн старается ступать по ёлочкам — так идти веселее. Сзади ветерок ему в спину дует: шагай, мол, проворней.

Толюн и шагает проворно, и напевает Анютину песенку:

Эй, моряк, ты слишком долго плавал,
Я тебя успела позабыть!..

Встретился Толюну на дороге чёрный бычок. Хотел бычок спросить его, куда это он в такую рань собрался.

Только поднял бычок свою тяжёлую морду, облизал языком тёплые от парного молока губы, а Толюн уже за гору повернул. И не стало его видно.

БОЛЬШИМ ПЛОХО

Пока спускался Толюн к лугу, ветерок прогнал туман. Показалось солнце. Покатился по зелёному лугу солнечный луч, заскользил и нырнул в холодную речку. Поднялось солнце над лесом и заглянуло в крайний дом.

Проснулась Анюта. Глянула — брата рядом нет. Посмотрела под стол, залезла на печку, но и там его не было. Куда девался?

— Вот непутёвый! — рассердилась Анюта. Вышла на крыльцо и крикнула: — Толюн! Э-э! Толю-у-ун!

Никто не ответил. Она ещё громче:

— Толю-у-у-ун! Иди скорей, каша простыне-е-ет!

На другом конце села какой-то молоденький петушок ответил, словно передразнил: «Толю-кук-у-ун!»

«Куда это он убежал?» — подумала Анюта.

Беда с маленькими: за ними только смотри, а то убегут, и ищи их. Большим плохо. Большие всегда за маленьких в ответе. Ушёл Толюн. Нет его ни в огороде, ни за домом, ни на пригорке, ни за пригорком. А вдруг он в речку упал, вдруг утонул?

Забегала Анюта к бабушке Клане, а та ничего не знает.

— А в избе-то хорошо поглядела? — спросила бабушка. — Может, где наверху схоронился?

— Я весь дом облазила, — всхлипнула Анюта. — Убёг он.

— Куда же это он убёг?

— Не знаю.

— Погоди-ка, погоди! — всплеснула руками бабушка Кланя. — Ведь это он в лес утёк. Я ему вчера за грибами сказку рассказывала. А он-то: «Пойду, говорит, Лесовика разыщу». Я-то его пугаю — говорю: «Нельзя. Заблудишься!» Непременно он теперь пошёл Лесовика искать — убёг в лес.

— Как же, бабушка? Где теперь его найти? А мне в школу надо.

— Погоди, Анюта, погоди плакать. Денёк-то вишь какой светлый. Дождь-то не дождит. Походит, побродит наш Толюн, да и домой вернётся.

— А если его в лесу медведь задавит?

— Ну чего ты? Вытри глаза-то. Не задавит. Медведь-то уж сытый. Ты вот что. Ты отцу с матерью ничего не говори. А то нам попадёт! Ты дома посиди — тишком.

Вернулась Анюта домой. Заглянула в печку, где горшок с кашей стоял.

«Не перепрела бы. Может, одной кашу поесть?»

Взяла Анюта ложку, да каша в горло не идёт. Бросила ложку, выбежала на улицу.

Куры по двору гуляют, разгребают кучки мусора. Им и дела нет, что Толюн пропал.

Подошла свинья к плетню, почесала розовую спину и тут же улеглась. Захотелось ей на солнышке погреться. Солнышко осеннее, редко из-за туч показывается — когда же погреться, как не теперь.

И такой стоял тихий, прозрачный денёк, что казалось, будто все должны радоваться солнышку и ничего плохого не может случиться.

Побежала Анюта к сараю. Открыла дверь: тёмной сыростью на неё оттуда повеяло...

— Толюн! — позвала она.

Никто не ответил. Заплакала Анюта и пошла искать пропавшего брата.

ЧТО ДУМАЛА ПЕНОЧКА-ТЕНЬКОВКА

Пеночка-теньковка вспорхнула на ветку и увидела маленького человека.

«Пень-тинь-тинь!» — испуганно закричала птичка.

Человек сошёл с дороги, поднял голову и двинулся прямо к дереву.

«Наверно, ко мне, — подумала птичка и на всякий случай перелетела на другое дерево. А человек не пошёл за ней — он замер около тонкой берёзы. По стволу берёзы полз жучок.

«А-а, он хочет съесть жука», — догадалась птичка.

Но человек почему-то не стал есть жука. Он завернул его в берёзовый листик, положил в спичечную коробку и пошёл дальше.

Под высокой сосной устроилась семья маленьких грибов маслят. Человек стал на четвереньки, долго смотрел на них, а потом осторожно стал вытаскивать их из земли — каждый грибок вместе с чёрной грибницей — и прятал их в карман.

«Ишь какой запасливый, как белка», — подумала птичка.

Пошагал человек дальше, а тут кочки стали попадаться — хлюп, хлюп под ногами. Наклонился человек и увидел ярко-красные ягодки брусники. Попробовал — понравились.

«Никак не наестся, — подумала пеночка. — Пасётся, как корова».

Маленький человек сначала собирал бруснику горстями, а потом, став на колени, пополз, выбирая спелые ягоды прямо ртом. Наелся человек брусники, утёрся рукавом, дальше пошёл. А под ногами листья так и шуршат. Красивые листья — жёлто-красные — и на каждом пять острых пальцев. Это клён их потерял. Человек взял кленовый лист и воткнул себе за ремешок на кепке.

«Хитрый. Как сойка хоронится. Хочет, чтоб я его не узнала», — подумала пеночка.

А человек повернул в сторону, зашагал прямо к кустам папоротника. И полез напролом, точно большущий медведь.

«Куда же ты? Вернись!» — закричала пеночка-теньковка.

И долго над лесом разносилось её жалобное: «Пень-тинь-тинь! Пень-тинь-тинь!»

КАК ТОЛЮН СДЕЛАЛСЯ ВЕЛИКАНОМ

Вышел Толюн из леса, а солнце уже совсем высоко поднялось. Тропинка повела его вдоль картофельного поля. Такое чёрное поле, в бороздах. А на одной из борозд Толюн увидел картошку — очень смешную. Сверху у картошки росла ещё маленькая картошинка. И получился вроде как человечек: маленькая головка и толстое пузо. Толюн положил человечка в карман и дальше пошагал... А дальше ничего не запомнил: повернул куда-то, посмотрел на небо, посидел на траве, опять пошёл... И вдруг уткнулся в забор!

Под забором лаз — крохотная ямка. Крот, что ли, её вырыл, эту ямку? Толюн ещё немножко разгрёб, сунул туда голову, протиснулся и вылез по ту сторону забора.

Огляделся. Перед ним стояли деревья с белыми крашеными стволами. На деревьях Толюн увидел яблоки.

«Это колхозный сад, — подумал он. — Про него я в книжке читал». И ещё подумал: «Хорошо бы яблочко достать, да высоко висят». Потом увидел рядом с забором берёзку. Как она пролезла в сад? Может, тоже через ямку? А под берёзкой... Что такое? Под берёзкой лежало в траве яблоко. Толюн наклонился, поднял яблоко — вот чудеса! Но это было не самое удивительное: по стволу берёзки цепочкой бежали вверх и вниз муравьи. Да и на земле сколько копошилось: кто тянул кусочек листика, а кто высохший стебелёк.

— Работнички, — сказал Толюн голосом бабушки Клани и покачал головой.

Он решил помочь муравьям. Взял веточку и начал их подталкивать. Испугались муравьи, попадали вниз.

— Вот нескладёхи какие! — засмеялся Толюн. — Не умеют, а уж на дерево лезут. Захочу, всех вас поскидаю!

Толюн сразу почувствовал себя огромным и могучим. Увидел, как двое муравьёв ухватились за длинную веточку. Один муравей был побольше, попроворнее — и Толюн назвал его Никифором, а меньшего муравья — Стёпкой.

— Эй, Никифор, поднажми! — скомандовал Толюн. — А ты, Стёпка, не отставай!

Прибежали на подмогу ещё двое.

— А ну, ребятки, дружнее! — подбадривал Толюн.

Услышали Толюна остальные муравьи, сбежались на подмогу. И самый маленький муравьишка тоже поспевает, лапками отчаянно загребает. Боится — без него не обойдутся. Толюн отпихнул маленького:

— Подожди, ещё не дорос.

Муравьи взялись дружно, потащили.

— Так её, ребятки! Ещё разочек! — кричал Толюн.

И вдруг рядом что-то зашуршало. Толюн притих.

— А ты как сюда попал? — раздался грозный голос. У калитки стоял дяденька с ведром.

Толюн бросился к лазу. И сразу же из великана обратился в маленького человечка. И этот человечек быстро протиснулся в ямку. Ботинки с налипшей землёй мелькнули под забором. И тут же исчезли.

У Л О В

Выбежал Толюн на пригорок, а внизу — река. Кажется, знакомая. Пошёл стороной: не дорогой, а лугом, и скоро до реки добрался.

На берегу с двумя удочками пристроился дедушка. Такой тёмный дед, точно старое дерево. Сидит — не двигается. Подошёл Толюн, сел рядом на корточки и тоже не двигается. А на воде поплавки играют. И вдруг — тюрк! — исчез поплавок. Дед как дёрнет удилище, брызги — в стороны, а уж в воздухе извивается на конце лески серебряная рыбка.

— Ух! — сказал Толюн.

— Что, видал? — довольный, спросил дед.

Толюн мотнул головой и потянулся к удилищу.

— Дай, дедушка, я тоже порыбачу.

— Ишь рыбак нашёлся, — заворчал дед, бросая рыбку в ведро с водой.

Толюн засопел от обиды.

— Ну ладно уж, — дед наладил на крючок тёмно-красного червячка и протянул удочку Толюну, — попробуй рыбацкого счастья. Вот тебе с козявочкой.

Толюн взял удилище и стал смотреть на поплавок. Пры-

гает поплавок, кружится, ныряет на течении. Толюн смотрит, Даже глазам больно.

Вдруг дед не своим голосом крикнул:

— Подсекай!

От неожиданности Толюн дёрнул удилище и повалился на берег. А рядом с ним рыбка прыгает.

— Это я её? — удивился Толюн.

— А кто же? С уловом тебя! — поздравил дед. — Брось-ка её в ведёрко.

— Не-е, я её в шапку! — сказал Толюн: рыбку-то он сам поймал, а если в ведро — кто же об этом узнает?

Дед засмеялся:

— Шапочку надень. Ветрено. А рыбеке твоей мы найдём место. — Он бросил её в зелёную кружку с водой. — Хорошо порыбачили, а теперь домой надо собираться. Тебя как звать?

— То-люн.

— О, Натолый, выходит. А где проживаешь, Натолый? «Хитрющий дед, — подумал Толюн. — Рыбку себе взял, а меня хочет домой отправить».

Толюн глядел в кружку, где, дёргаясь хвостиком, плескалась его рыбка.

— Ты чей же будешь? — опять спросил дедушка.

Толюн заморгал глазами. Он решил немножко схитрить.

— Я ничей, дедушка. А живу у птицы. У неё четыре крыла. Это такая большая птица-уродка.

— Как? Как? — вытаращил глаза дед.

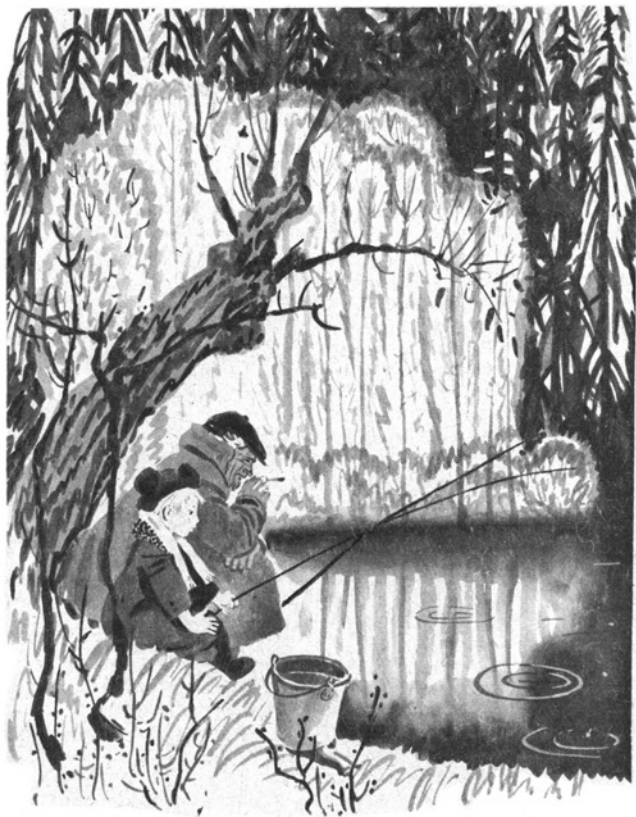
— А так — сказал Толюн. — У птицы такой длинный-предлинный хвост; как накроет она хвостом землю, сразу наступает ночь.

— Ночь?! — ахнул дедушка. — Ай-я-яй. Я и то гляжу — птичий сынок мне повстречался. Сразу не могу признать чей, по хохолку твоему рыженькому — вроде петушиный, а по характеру — индюшиный. И где это я тебя видел? Не в соседней ли с нами деревне та птица живёт?

Толюн промолчал.

— Ну вот что. Надевай-ка шапочку и пошли до дому.

Дед собрал удилища и зашагал к дороге. Что же Толюну — оставаться? Он надел кепку и пошёл за ним.

Толюн взял удилище и стал смотреть на поплавок.

Солнце поднялось высоко. Крепко припекало. Бултыхалась рыба в ведре, скрипели мокрые дедовы сапоги, а Толюн держал зелёную кружку и всё время заглядывал в неё — боялся, как бы рыбка не выпрыгнула.

Некоторое время они шли молча. Толюн узнал дорогу. Далеко из-за бугра высунулась знакомая мельница.

— А скажи, птичий сынок, нет ли у тебя сестрички? — спросил дедушка. — Такой шустрой девчоночки в белом платке?

— Сестрички? — переспросил Толюн. Он решил быть теперь осторожным и хитрым, а потому ответил: — Не знаю.

— Ага, — улыбнулся дед. — Скажи, а если бы у тебя была сестричка, то как бы её звали?

— Анютка, — сказал Толюн.

— А в какой бы она класс ходила?

— В четвёртый.

— И дружно бы вы жили?

— Дружно, только она меня колотит, — пожаловался Толюн. — За волосы таскает. Маленьким-то плохо жить.

— Ну уж, какой ты маленький, ты ведь делом занимался, рыбачил, — сказал дедушка.

— Ага, — согласился Толюн. — Во какая рыбка — серебренькая.

И тут Толюн заметил, что навстречу из-за бугра поднимается Анюта. Платок у неё растрепался, из-под него торчали косички.

— Вон она, Анютка! — шепнул Толюн и спрятался за деда. Анюта заметила брата и ещё издали начала кричать:

— Он-то разгуливает! А я с ног сбилась! Глазки обревела.

Подбежала она к Толюну, но колотить не стала и вдруг расплакалась:

— Он такой... с ним сладу нет. Я матери скажу...

— Ну, будет. — Дедушка погладил её по голове. — Нашёлся твой Толюн.

— Мы с дедушкой рыбачили.

— Порядком наловили, — сказал дед. — Давай-ка я тебе в мокрую тряпицу немножко рыбки наложу. — Он поставил ведро, вытащил из кармана тряпочку.

— Не надо мне твоего улова, — сказал Толюн. — У меня свой есть, — и протянул руку с зелёной кружкой.

— Ой какая маленькая! — сказала Анюта, заглянув в кружку.

— Это я её поймал. Правда, дедушка?

— Правда. Сам поймал. Ну, раз не хочешь делёжки, забирай свой улов.

— Спасибо, дедушка! — обрадовался Толюн.

Анюта взяла брата за руку и тоже сказала:

— Спасибо!

— Прощайте, ребятки! Теперь сами дойдёте.

Дедушка повернул назад, к реке, а брат с сестрой пошли дальше по дороге. Вдруг Анюта остановилась.

— Дедушка! — закричала она. — Насчёт кружки не беспокойтесь. Я принесу. Я знаю, где вы живёте, — в Красновке.

— Ладно уж! — махнул он рукой.

Дорога с бугра стала тихонько спускаться вниз. Толюн шёл осторожно и глядел на серебряную рыбку.

СНОВА ДОМА

— Анют, знаешь, я в саду был. — Толюн оттопырил карман, показал сестре яблоко.

— А тебя не поймали?

— Куда там! Убёг... А ещё в лесу грибы собрал.

— Грибы-то червивые?

— Крепкие. Таких тебе вовек не найти.

По дороге стали встречаться колхозники.

— Ну что, нашёлся? — спрашивали они.

В деревне уже знали о побеге Толюна.

— Нашёлся, — отвечала Анюта.

А Толюн всем показывал зелёную кружку с рыбкой:

— Это я сам поймал.

— Они с дедушкой из Красновки рыбачили, — объясняла Анюта.

— Ишь ты хозяйственный какой, — хвалили Толюна. — Теперь вам подмога будет в доме.

— Он головастый. Он понятливый, — говорила Анюта.

И Толюн всем желающим показывал кружку, где плескалась рыба. Первая в его жизни, такая красивая!

— Смотрите, какая рыбка!

Вскоре показался ольховник за огородом. А на зелёном бугре всё паслись две козы — Груня и Маня. Козы посмотрели на детей, замотали бородами, будто тоже хотели спросить:

«Ну как, нашёлся? Мы-то его ещё рано утром видели...»

Толюн вдруг понял, как он соскучился по дому. И есть захотелось.

— А что, каша готова? — спросил он.

— Готова, — сказала Анюта.

На порог вышла бабушка Клания. Она закрылась рукой от солнца.

— Ах ты озорник, а мы тебя обыскались!

Прослушав рассказ про рыбу, бабушка сказала:

— Ну идите, ребятки, я вам грибочков принесла.

Ребята вошли в дом. И вскоре над крышей поднялся лёгкий дымок. Это бабушка Клания принялась стряпать.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОРОГА В ЛЕТО

Сон	3
Мама, где ты?	4
В городе другой вид — там цветы	6
«Дяденька, родненький, подвези!»	9
На машине	12
Рассказ шофёра	15
В чужом доме	20
На улице	27
Волшебная палочка	29
Находка	31
Дом под зелёной крышей	33
Макарово	37
На берегу реки	44
Злой ветер, тебя не боимся!	46
Сено на снегу	49
Хитрый план	54
«Плохой ты мужик, Лёша!»	57
Тёплый дождик	61
Дыра в стеклянном небе	64
Через лес	69
Не бойся — не съест	75
Трудная задача	78
Опять вместе	84

ТОЛЮН УХОДИТ ИЗ ДОМА

С большими не договоримся	88
Помидоры — лягушки	90
Птица с разноцветными крыльями	91
Оттаявшие буквы	94
Я бы так не сделал	95
Обида	98
Из тёплого дома — на улицу	100
Большим плохо	101
Что думала пеночка-теньковка	103
Как Толюн сделался великаном	104
Улов	105
Снова дома	109

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Отзывы об этой книге просим
присылать по адресу: Москва, А-47,
ул. Горького, 43. Дом детской книги.*

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Бая Георгий Александрович

ДОРОГА В ЛЕТО

Две повести

Ответственный редактор *Т. В. Жарова*
и *С. Е. Миримский*
Художественный редактор *Н. Г. Холодовская.*
Технический редактор *В. К. Егорова.*
Корректоры

Э. Н. Сизова и Т. П. Лейверович.
Сдано в набор 9/XI 1967 г. Подписано к печати
14/II 1968 г. Формат 70×92¹/₁₆. 7 печ. л. 8,19 усл.
печ. л. (6,25 уч.-изд. л.) Тираж 100 000 экз. ТП 1968
№ 193. Цена 31 коп. на бум. № 2.
Издательство «Детская литература». Москва.

М. Черкасский пер., 1.
Фабрика «Детская книга» № 2 Ростлавполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров РСФСР.
Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ № 182.

МИРУ—МИР

eeeee

